

КАЙ МАЙЕР

ВРЕМЯ
БИБЛИОМАНТОВ

НАЧАЛО
ПУТИ

РОБИНС

Кай Майер
Время библиомантов.
Начало пути

Серия «Время библиомантов», книга 1

epub

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64236787

ООО «Издательство Робинс»; 2020

ISBN 978-5-4366-0333-9

Аннотация

«У каждой книги есть своя тайна...»

Несколько сотен лет безграничная сила книг держалась обществом библиомантов в тайне. Волшебство, путешествия сквозь время и пространство – это лишь малая часть того, что могут дать книги. А с помощью некоторых можно изменить даже прошлое...

Фурия Саламандра Ферфакс – потомственный библиомант, самый сильный волшебник в древнем роду Розенкрейцев. Их семья уже долгие годы скрывается от агентов Адамантовой Академии из-за ошибки, совершённой в прошлом.

Семья Ферфакс охотится за «пустыми» книгами, которые способны уничтожить всё когда-либо написанное на Земле. Но у них есть враги куда страшнее Академии, жаждущие кровной мести...

Фурия теряет любимого отца, младшего брата, друзей. Единственное, что ей остаётся, – бороться. Главное, что рядом с ней появляются верные друзья и любовь, которая прошла через века.

Кто настоящий враг? Какова цена за спасение брата? Чем грозит восстание экслибри? Почему Антиква так отчаянно пытается получить книгу Зибенштерна? За что борются мятежники Либрополиса?

Приключения начинаются – добро пожаловать в мир книг.
Время библиомантов пришло!

Содержание

К читателям!	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	34
Глава четвёртая	38
Глава пятая	54
Глава шестая	62
Глава седьмая	74
Глава восьмая	84
Глава девятая	92
Глава десятая	103
Глава одиннадцатая	108
Глава двенадцатая	121
Глава тринадцатая	129
Глава четырнадцатая	136
Глава пятнадцатая	141
Глава шестнадцатая	147
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Кай Майер

Время библиомантов

Начало пути

Трилогия
Книга первая

Перевод с немецкого Светланы Вольштейн при участии
Петра Абрамова

Издание исправленное

Все права защищены. Любое копирование разрешено
только с письменного согласия правообладателей

Original published as: Kai Meyer. Die Seiten der Welt

© 2014 by Kai Meyer For German edition © 2014 S. Fisher
Verlag GmbH, Frankfurt am Main

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на рус-
ском языке, 2016

* * *

К читателям!

Предисловия всё равно никто не читает. А значит, я могу обратиться ко всем и ни к кому-нибудь определённомu. Дорогие читатели, вы счастливики! Вы держите в руках первую книгу удивительной волшебной трилогии. Эта книга похожа на американские горки, от которых по-настоящему захватывает дух!

Романы Кая Майера переведены уже на 30 языков. Он известен далеко за пределами родной для него Германии. Первую книгу он выпустил в 24 года. С тех пор успел поработать журналистом и критиком, но затем снова вернулся к писательскому ремеслу. На сегодняшний день Майер является автором более 50 романов для взрослых и детей. Он также создаёт комиксы, аудиокниги и фильмы по своим произведениям. В 2005 году его роман «Ледяной огонь» победил в номинации «Лучший роман для подростков», в 2013-м Майер был отмечен премией в номинации «Фантастика», а в 2014 году его признали лучшим автором года в Германии.

Над русским переводом «Времени библиомантов» работал целый коллектив: переводчик, редакторы, корректоры. Все мы вместе с автором создавали для вас эту фантастическую книжную вселенную, у ворот которой вы стоите.

Вместе с главной героиней вы отправитесь в путешествие, полное опасностей, счастья и горя. Всю жизнь Фурия зачи-

тывалась приключенческими романами, и вдруг она оказывается в центре одного из них. Вокруг неё оживают истории и их герои. С помощью книг она может перемещаться из одной точки планеты в другую, книги наполняют Фурию силой библиомантики. Литература и реальность переплетаются: герои оказываются за пределами своих произведений, а реальность сама превращается в книгу.

Библиоманты, живущие среди обычных людей, творят чудеса с помощью силы книг. Они надевают комбинезоны и накидки с капюшоном, едят яичницу и конфеты на завтрак. Но их удивительные способности открывают переходы в тайные волшебные миры, переносят их сквозь пространство и время. В этих тайных мирах книги оживают и умирают, а если «мёртвые» фолианты посадить в землю, из них вырастают деревья. Лабиринты уводят нас с вами куда-то в глубь книжной вселенной, где нет предела фантазии и написанное становится реальностью, как только вы дочитываете предложение до конца.

Книга становится здесь центральным персонажем, магическим путеводителем, сценой и кулисами. В ней таятся разгадки, и в то же время она источник опасностей. Но прежде всего автор учит читателей любви. К книге и жизни. Речь пойдёт о настоящих чувствах, которые актуальны всегда: о первой влюблённости, осторожной и сильной одновременно, о потере близких, о дружбе, о семейных ценностях, которые никогда не устаревают.

Современного подростка уже не удивишь новыми гаджетами или модной одеждой. Но волшебный сюжет и приключения, от которых невозможно оторваться, подарят вам по-настоящему сильные впечатления. Не удивлюсь, если после прочтения роман станет той самой «сердечной» книгой – книгой силы.

На этой ноте прощаюсь с вами я, Светлана Вольштейн, и начинаю говорить от лица Кая Майера и его героев. Скорее к первой главе!

Светлана Вольштейн

*Сколь высоко следует ценить
волшебную власть книг!
Благодаря им мы познаём
границы времени и пространства.
Вглядываясь в них, словно в зеркало
вечности, мы созерцаем и то, что
есть, и то, чего никогда не было.*

Ричард де Бери.

Филлобиблон, 1344

Часть первая

Книги и Ночь

Глава первая

Фурия вихрем неслась по ступенькам вниз, в библиотеку, и, даже не добежав до дверей, почувствовала, как нос щекочут волшебные ароматы историй – лучшие запахи на свете.

Новые книги щекотали ноздри типографской краской, клеем и ожиданиями. Старые книги благоухали приключениями – своими собственными и теми, о которых в них рассказывалось. Лучшие книги всегда источали такой аромат – с лёгким оттенком магии.

В библиотеке семьи Ферфакс хранилось много превосходных книг, в том числе старинных. Некоторые были такими ветхими, что их страницы рассыпались, как сухая осенняя листва, стоило лишь к ним прикоснуться. Большинство книг были прочитаны, но попадались и такие, на которые никто никогда даже не взглянул, ведь они прятались в боковых коридорах.

В этой библиотеке запрещалось сворачивать с центрального прохода. *«Никогда не сходи с дороги!»* – так звучал неписанный закон этого места. Библиотека находилась в древних

катакомбах прямо под домом. Своды этих туннелей были возведены ещё в те времена, когда Британией правили римляне. На Котсуолдских холмах древние строители возвели десятки роскошных особняков. На месте руин одного из них и находилось сейчас поместье, которое Ферфаксы называли своей резиденцией.

Привратник Вэкфорд как раз натирал металлическую входную дверь, когда Фурия пронеслась вниз по лестнице и ворвалась в библиотеку, чуть не сбив его с ног. Металл мерцал серебристым светом, отражение в нём искажалось. А всё потому, что на двери была вмятина, будто её пытался протаранить бульдозер. Только вот бульдозер не прошёл бы между полками.

– Он заходил сегодня? – выпалила Фурия, остановившись перед Вэкфордом. – Мой отец сегодня заходил?

Самюэлю Вэкфорду было никак не меньше шестидесяти лет, хотя синий комбинезон ладно сидел на его по-прежнему крепком, мускулистом теле. Вэкфорд жил в этом доме задолго до рождения Фурии, он знал катакомбы как свои пять пальцев – каждая трещина, каждый кривой гвоздь были ему знакомы. Прежде всего он был посвящён во все тайны библиотеки. Ещё его отец работал у Ферфаксов, а до него – отец его отца. У Вэкфорда были короткие седые волосы, лицо в морщинах, похожих на скомканную бумагу, на левой щеке – шрам, оставшийся у него с того самого дня, тридцать шесть лет назад, когда пострадала дверь в библиотеку. За поясом у

Вэкфорда торчал фонарь.

– Твой отец был здесь, – медленно сказал он, видя, как Фурия нервно покусывает нижнюю губу. – Приблизительно час назад.

Вэкфорд был не скор на руку, а уж на слова тем более. Он был прилежным, ловким и сильным, как молодой юнга, но слово «скорость» для него было таким же незнакомым, как для кого-нибудь «фронтиспис»¹ или «факсими́ле»².

– И?

– И что? – спросил он.

– Он её нашёл? Книгу?

– Твой отец взял несколько книг. Четыре, если я правильно запомнил.

– Книги Зибенштерна?

– Возможно.

– Проклятье! – Фурия схватилась за свои растрёпанные светлые волосы. – Пип сказал, что папа поднялся по лестнице. Что он пришёл отсюда.

– Откуда же ещё ему подниматься, юная леди?

– Так что за книги он взял?

¹ Фронтиспис (*фр. frontispice*, от *лат. frons*, родительный падеж *frontis* – «лоб», «перед» и *лат. specio, spicio* – «смотрю»; буквально – «смотрю в лоб») – в книге страница с изображением, образующая разворот с лицевой страницей титульного листа, и само это изображение.

² Факсими́ле (от *лат. fac simile* – букв. «делай подобное») – воспроизведение любого графического оригинала – рукописи, рисунка, чертежа, гравюры, подписи, монограммы, – передающее его вполне точно, со всеми подробностями.

– Я не поинтересовался их названиями.

Фурия мгновенно что-то заподозрила.

– Ты же ему не рассказал, где я спрятала книгу, правда?

– Если бы я поведал ему, что поймал тебя, когда ты отклонилась в боковой коридор, он спросил бы меня, как могло случиться, что пятнадцатилетняя девочка бродит по библиотеке совсем одна. Тогда я должен был бы признаться ему, как часто ты тут бываешь. – Взгляд Вэкфорда стал укоризненным. – Я пойду с тобой. Кто-то же должен там за тобой проследить.

– Я сама за собой прослежу.

– Если что-нибудь с тобой случится, то...

Фурия встала на цыпочки и коснулась щеки Вэкфорда лёгким, как пёрышко, поцелуем.

– Ничего со мной не случится. Я тебе обещаю. – Она отошла на шаг назад. – А что ты вообще делаешь здесь, внизу? Мне казалось, ты должен помогать Сандерленду с мебелью.

Вэкфорд пренебрежительно скривился:

– Если мебель из резиденции выставили на продажу, то обойдутся без меня. Я люблю здесь всё таким, как оно есть, с каждым стулом и каждой вазой.

– Папа говорит, что нам нужны деньги. Срочно. Дословно он выразился так: «Если не будет немедленного финансового вливания, нам придётся уволить Вэкфорда, Паулину и Сандерленда».

Привратник поскрёб за ухом.

– Но вот так просто выставить вещи на дороге, нацепить на них ценники и глядеть, как их увозят незнакомые люди... Это так... неэстетично... – Вэкфорд потерял длинный седой волос, торчавший у него из уха. – Неэстетично это.

– Угу!

У Фурии не было времени на подобные разговоры. Особенно когда на кону стояла книга.

– Ну что, пропустишь меня?

Он указал на свой шрам:

– Погляди-ка. Неосторожное бритьё здесь ни при чём.

– Я буду осмотрительной, честное слово.

Немного помедлив, он кивнул, потом подошёл к двери, на несколько секунд прикоснулся к холодному металлу и молча прикрыл глаза. А затем снова кивнул, на этот раз более уверенно.

– Ладно, – сказал он. – Кажется, там спокойно. Ступай!

Наверное, так же быстро мог бы выкрикнуть эти слова австралийский ленивец, что-то вроде: «Давай пошевеливайся!»

Вэкфорд вытащил из кармана связку ключей и вставил в скважину самый старый и длинный ключ. Механизм загудел, как осиный рой, потом заскрипел, затем раздался щелчок – и замок открылся.

В лицо им хлынул невероятный, захватывающий запах книг. Фурия тотчас же ощутила голод – голод новых приключений. Но не для этого она сюда пришла. Сегодня её интере-

совала одна-единственная история, которой было уже почти две сотни лет. И она знала её практически наизусть.

Вэкфорд перешагнул порог раскрывшейся двери и поглядел в узкий проход, простиравшийся перед ним. Там царила космическая тишина. Возможно, эта библиотека и была настоящим космосом – целым скоплением миров, которые пока не хотели, чтобы кто-нибудь их обнаружил.

Коридор был очень узким, зато в высоту уходил почти на четыре метра. И каждый сантиметр этого пространства был заставлен тысячами книг. Проходы с бесчисленными ответвлениями уходили далеко в глубь скалы. В девятнадцатом веке один из предков Фурии решил составить карту подземных переходов, но это оказалось ничуть не легче, чем сосчитать шерстинки расщипавшей гориллы.

Лабиринт разветвлялся, словно корневище дерева, и, казалось, всё больше углублялся в скалу, находя всё новые и новые трещины. Вэкфорд утверждал, будто его отец прошёл по многим из этих коридоров до самого конца и своими глазами видел там книги, а за теми книгами – другие книги, а за ними – снова книги. Библиомантика развилась именно здесь, сомнений быть не могло. Именно в этом заключалась одна из причин, по которым Фурия бывала здесь так часто. Ей не терпелось стать полноправным библиомантом и получить сердечную книгу.

Вэкфорд указал на лампочки, свисавшие с потолка на коротком проводе. В сороковых годах прошлого века сюда про-

вели электричество, но освещены были лишь основной коридор и несколько первых поворотов.

– Сейчас напряжение, кажется, стало стабильным. Может, мигнёт несколько раз, но никаких чрезвычайных случаев. И всё же, – он протянул Фурии фонарь, – возьми-ка лучше его с собой.

У неё был и свой в заднем кармане джинсов, но в сравнении с огромным фонарём Вэкфорда он выглядел просто крошечным. Немного помедлив, Фурия взяла его.

– Не беспокойся, – сказал Вэкфорд, – у меня есть другой. Она взвалила фонарь на плечо, словно тяжёлый топор дровосека, и вступила в хранилище библиотеки. Сделав несколько шагов, она услышала, как Вэкфорд безнадёжно крикнул ей:

– И никогда не сходи с дороги!

Миллионы книг поглотили этот крик, приглушив его до невнятного шёпота. Дверь за Фурией захлопнулась.

Теперь она была единственным человеком среди книг, и ей нравилось здесь всё: и тени, и тишина, и осознание того, как мало в мире таких мест. Возможно, только одно.

Она глубоко и свободно вздохнула, упиваясь запахом книг, впуская его в своё сердце, а затем нырнула в незримые глубины библиотеки, готовая к приключениям.

Глава вторая

Фурия шагала по главному коридору, едва различая шорох собственных шагов. Книги поглощали почти все звуки. Сердце Фурии забилося сильнее. Девочка страшно волновалась – так она чувствовала себя всякий раз, когда ей доводилось блуждать по библиотеке. Но она старалась не бояться. И почти всегда ей это удавалось.

Что-то промелькнуло над ближайшей полкой, но, когда девочка присмотрелась, там уже никого не было.

Фурия пошла дальше, свернула из главного коридора налево и увидела перед собой новую бескрайнюю расщелину, заполненную книгами. Несмотря на обилие развилок и поворотов, Фурия ни капельки не боялась сбиться с излюбленного маршрута Вэкфорда – ей всего лишь нужно было следовать за цепочкой лампочек, освещавших в темноте коридоры на много метров вперёд.

За полками таились старые гробницы. Захоронения вскрыли, а останки перевезли отсюда много лет назад. Что, интересно, думали мёртвые о разорении своих гробниц, когда первые Ферфаксы решили организовать здесь библиотеку? И кто мог знать, что именно творится в тёмных переходах, за всеми этими книгами, книгами, книгами?

Однажды, ещё совсем маленькой, Фурия последовала за папой в глубину лабиринта сквозь мерцающие гроты из книг

и вдруг потеряла его из виду. Когда она нагнала его и он повернулся к ней лицом, она поняла, что перед ней вовсе не папа, а кошмарное видение. Своего настоящего отца она отыскала лишь спустя час. Возможно, это жуткое существо до сих пор блуждает где-то в коридорах библиотеки.

Коридоры были такими узкими, что даже по главной дороге Фурии часто приходилось идти боком, потому что иначе она рисковала застрять между битком набитыми полками. Сухой воздух был пропитан ароматом книг и, когда по коридорам пролетал неожиданный порыв ветра, разносил запахи фолиантов, а иногда и далёкие голоса, которые, возможно, существовали лишь в её фантазиях.

Миновав несколько поворотов, Фурия увидела невдалеке сводчатую нишу. Повсюду были книги в кожаных и шёлковых переплётах – миллиарды слов, собранных по всему миру.

Книга, которая привела Фурию в библиотеку на этот раз, носила очень длинное название, но в 1820 году, когда она была написана, это совершенно никого не удивляло. «*Фантастико Фантастичелли, повелитель осеннего тусклого света*». Автор был известен под именем Зибенштерн – такой псевдоним взял себе один из её немецких предков. Он написал несколько десятков книг – разбойничьих романов, которые были очень популярны в те времена, а затем ещё несколько произведений. «Фантастико» был его первенцем. Сегодня книга полностью забыта, но в своё время читатели

жадно проглатывали приключения итальянского предводителя разбойников, носившего такое яркое имя. Этот роман был любимой книгой её матери. Когда Фурия была совсем маленькой, мама часто читала его вслух.

Кассандра Ферфакс умерла при рождении Пипа. Фурия день за днём боролась с собой, пытаясь любой ценой уберечь в памяти её улыбающееся лицо. Читая «Фантастико», она видела перед собой маму: её длинные светлые волосы, такие же как и у неё самой, узкий нос, высокий лоб, зелёные глаза, точь-в-точь как у Фурии, длинные пальцы, которыми она изящно перелистывала страницы романа. Фурия снова и снова представляла её сидящей на краешке кровати маленькой девочки. Закрыв глаза, видела, как мама ровным голосом уводила её за собой в ущелья итальянских прибрежных Альп, в мир разбойника Фантастичелли и его шайки развесёлых бродяг.

Некоторое время Фурия искала похожие книги, старые и новые, но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с «Фантастико». Другие романы Зибенштерна были лишь пересказами той истории. Если пересказ был хорошим, он пестрел приключениями и раскрывал перед читателем давние времена и далёкие страны. Если же был не очень удачным, читать его было неинтересно – сплошная меланхолия и безысходность. А по-настоящему хорош был только «Фантастико» – так считала Фурия.

Ей пришлось как следует спрятать книгу от отца, который

после смерти жены, убитый горем, спалил многое из её вещей. Наверное, воспоминания не давали ему покоя ни днём ни ночью.

С годами поиски «Фантастико» превратились для него в навязчивую идею. Он догадывался, что это Фурия помогла книге исчезнуть. Его дочь прекрасно знала, что он до сих пор тайком продолжал поиски, словно надеялся, что, отыскав книгу и расправившись с ней, сможет сделать последний шаг – окончательно освободится от воспоминаний о жене.

Фурия не могла допустить, чтобы отец уничтожил книгу так же, как раньше он избавился от платьев и других вещей, принадлежавших маме. Девочка довольно долго на него за это обижалась, но в последнее время понемногу начала понимать отца. Даже через десять лет после смерти своей Касандры Тиберий Ферфакс так и не смог смириться с трагедией. Он не очень-то охотно проявлял свои чувства и почти никогда не говорил о жене. Лишь о бедах и лишениях, которые ему пришлось пережить во время войны, об изгнании и своих ночных скитаниях отец Фурии молчал ещё упорнее.

На полках снова что-то зашевелилось, на этот раз слева. Фурия остановилась и медленно повернула голову. Сверху на книгах притаились две маленькие, уже почти выцветшие птички. Они были сделаны в технике оригами – искусно свёрнуты из бумаги. Одна из них склёвывала пыль с какого-то томика стихов, а другая, казалось, глядела прямо на Фурию. При этом, как и у любой птички-оригами, глаз у неё

не было. На голове выделялся лишь острый клюв.

– Привет! – сказала Фурия.

Птичка спокойно продолжала клевать пыль. Вторая гордо подпрыгнула к краю книжного корешка, взмахнула угловатыми крылышками и склонила голову набок. Казалось, она внимательно рассматривает Фурию, будто у неё действительно были глаза. На самом деле, наверное, она просто воспользовалась своим чутьём.

– Что ж, не буду вам мешать, – сказала Фурия и пошла дальше.

Вскоре ей попалась целая стая, около двадцати птиц, все они клевали комочки пыли рядом с книгами. Птички-оригами считались особым видом здешних мелких вредителей, они размножались очень быстро. Когда-то предки Фурии начали разводить их намеренно, потому что птички помогали поддерживать порядок в библиотеке, и с тех пор пыли действительно стало гораздо меньше.

Обычно можно было встретить не больше дюжины этих птичек, прыгавших по книжным полкам, подобно причудливым насекомым, поэтому целая стая, копошившаяся в собрании сочинений какого-то португальского романиста, представляла собой необычное зрелище. Фурия пожала плечами и побежала дальше. Пока эти птички-оригами не ели бумагу, они никому не мешали. На глаза девочке попало ещё несколько пичуг, сегодня их было на удивление много.

Наконец Фурия добежала до перекрёстка, на котором ей

следовало повернуть налево. Точнее, *сойти с пути*. Она спрятала «Фантастико» в одном из тёмных туннелей, в который не провели электричество, рядом со шведской книгой об изготовлении зубчатых колёс. Фурия надеялась, что отцу в ближайшем будущем не придёт в голову изучать кораблестроение в портах Ботнического залива.

Пройдя ещё несколько шагов, она включила фонарь Вэкфорда. Зашелестев крыльями, вспорхнула ещё одна стайка, напуганная внезапным лучом света.

Наморщив лоб, Фурия направила фонарик ей вслед, подумав при этом, что, может, где-то в недрах библиотеки скрываются целые полчища этих существ, а сюда, в ближние коридоры, залетают лишь одинокие разведчики.

Фурия повернула налево, потом снова налево и оказалась наконец у полки с «Фантастико». Она с облегчением убедилась, что книга никуда не делась. Девочка включила фонарь и вытащила роман. Твёрдый переплёт потемнел, страницы растрепались. На обложке не было никаких иллюстраций, только название, выцветшее от времени. И под ним надпись: *«Приключения доблестного капитана Фантастичелли из анналов истории Лигурийского побережья»*.

Стоило Фурии прочесть этот подзаголовок, как в голове у неё зазвучал голос матери и по телу пробежала тёплая дрожь.

Оба её имени были позаимствованы из этой книги. Фурией звали хитрую воровку, которой не раз удавалось выманить всю наживу у капитана Фантастичелли, а Саламандрой

– мудрую лесную богиню с бородавками на лице.

Её брат Пип тоже получил своё имя в честь одного из литературных персонажей – героя книги Чарльза Диккенса «Большие надежды».

Диккенс был любимым писателем её отца, и Фурия очень ярко представила себе, как Тиберий яростно отстаивал своё право хотя бы мальчика, законного наследника, назвать в честь одного из героев Диккенса, если уж его дочери выпало носить имя покрытой бородавками лесной богини.

Фурия раскрыла книгу, прочитала начало и снова почувствовала, что это любовь с первого взгляда. Действие началось во время ночного шторма, и через мгновение Фурия уже полностью погрузилась в чтение. Она перевернула одну страницу, за ней другую... и вдруг услышала хруст.

В испуге Фурия опустила книгу, попыталась нащупать фонарь и нечаянно столкнула его с полки. Когда он грохнулся на пол, в разные стороны разлетелись сотни маленьких чёрных точек, которые кишели в воздухе, словно мухи.

Это были буквы.

Буквы построились в ряд. Длинная цепочка протянулась от одной полки до другой, и концы её терялись где-то вдали. Гласные и согласные подрагивали и переплетались, точки балансировали на тонких палочках.

Фурия глубоко вздохнула, поставила книгу обратно на полку и подняла фонарь.

– И снова вы. – Охнув, она прошлась лучом света по ко-

пошащемуся полчищу букв.

Снова послышался хруст, и вдруг со всех сторон к Фурии ринулись сотни маленьких знаков. Где-то у самых её ног они толпились, скатывались вниз, отталкивая друг друга, и уже практически не отличались от огромного муравейника.

Башня, состоящая из букв, росла прямо на глазах у Фурии, будто ствол дерева на ускоренной киноплёнке. Достигнув уровня глаз Фурии, башня чуть качнулась, а затем наклонилась к той полке, на которой стоял «Фантастико». Несколько букв выскользнули наружу и сложились в два слова:

Привет Фурия

В сознании букв, каждая из которых выскочила из какой-нибудь рассыпавшейся книги, знаков препинания не существовало. Когда-то Фурия поинтересовалась, в чём же причина, и получила в ответ бурю возмущения. Запятые, точки и двоеточия – это, мол, совершенно бесполезные создания. Для них в стае букв места не нашлось.

– Привет, Эюя, – сказала Фурия, а буквы тем временем снова смешались и перераспределились уже в другом порядке. (Несколько лет назад Фурия решила, что стае букв непременно нужно дать имя, а «Эюя» было первым словом, которое взбрело ей в голову.) – Ты меня до смерти перепугала.

Беги отсюда Пискорее, – написа-

ли буквы.

Некоторые знаки, оставшиеся не у дел, нетерпеливо подпрыгивали на полке, словно изо всех сил старались подчеркнуть, насколько важным было это предупреждение.

Сердце Фурии забилося сильнее.

– Что случилось?

Буквы снова зашуршали и закопошились, а затем появилось одно-единственное слово:

П л е с к и к

Фурия вскрикнула:

– Близко?

П о д о р о г е с ю д а

Фурия посветила фонарём в оба конца коридора. С одной стороны ничего не было видно, а с другой – буквенный рой отбрасывал колышущуюся тень. За ней было пусто.

– Он далеко?

Направив фонарь на полку, Фурия прочитала:

З а н е с к о л ь к о п о в о р о т о в

Более ста пятидесяти лет библиоманты Ферфаксы следили за тем, чтобы в катакомбы не проникала сырость. Но она всеми силами старалась завоевать территории.

Как-то за одним из стеллажей скопилась влага и там вырос плесневик, оживлённый той же силой, что и стая Эюя и птички-оригами.

Возможно, сейчас было не лучшее время для воспоминаний и размышлений, но Фурия вдруг с горечью подумала о том, что её отец последнее время был ужасно занят и невнимателен.

Бегн отсюда, – приказала Эюя.

– Откуда он движется?

Справа

Фурия понизила голос:

– Ему известно, что я здесь?

Ты слишком шумишь

И затем:

Неуклюжая девочка

Фурия щелчком выбила из ряда букву «Ю», которая прилипла к одной из книг, но та сразу же юркнула обратно на своё место. Остальные дополнили её, и перед Фурией задрожала новая строка:

Неуклюжая неуклюжая
неуклюжая девочка

Эюя была права: Фурия совершенно забыла о всех предостережениях Вэкфорда и вела себя слишком уж свободно.

Если она попадётся в лапы плесневику, Эюя просочится в одну из трещин в земле и напишет на её могильной плите, прямо под надписью:

Фурия Ферфакс
(1999-2014)

всего два слова:

САМА ВИНОВАТА

Справа продолжался основной коридор, но, если Фурия хотела избежать встречи с плесневиком, ей надо было идти в другую сторону, надеясь, что вскоре она сможет повернуть и выйти в правильном направлении.

Бези, – написала Эюя. – **СЕЙЧАС ЖЕ**

Фурия уже собиралась задвинуть «Фантастико» обратно на место, но вдруг передумала: кто знает, когда теперь ей представится возможность спуститься сюда снова? Несколько минут уже не играют никакой роли. Она сунула книгу за пояс, натянула сверху футболку и побежала что было сил. Свет фонаря бешено перескакивал с книг на пол, и снова на книги, и снова на пол.

За Фурией по пятам следовал хруст буквенной стаи. Эюя снова собралась, и теперь под ногами девочки, слева и справа вдоль полок, поспешно растянулись две муравьиные дорожки.

За спиной что-то зашипело. Фурия на бегу быстро оглянулась, но сзади была лишь кромешная темнота. Чтобы осветить фонарём, нужно было остановиться.

Шипение стало громче, и вдруг девочка почувствовала, как в ноздри ей проникает новый запах – вонь затхлого погреба.

Фурия добежала до перекрёстка и повернула налево. Перед ней предстал новый ход, пройти по которому она могла только боком – настолько тесно стояли здесь стеллажи.

Протиснувшись между полок, она на секунду осветила коридор, из которого попала сюда, и в тот же миг поняла, что совершила ошибку. Картина, представшая перед ней, парализовала её.

Этот плесневик был намного больше того, с которым ей довелось повстречаться в последний раз. Тогда ей было девять и с ней был отец.

Сегодня, шесть лет спустя, искать защиты было не у кого.

Плесневик, похожий на лепёшку, покрытую волосистой плесенью, размером был чуть больше подушки и переливался всеми цветами радуги, словно нефтяная плёнка на воде. Эта мерзкая лепёшка-подушка плыла по коридору прямо к Фурии, края её шевелились, словно водоросли, подхваченные сильным течением.

В передней части страшилища появилась чёрная трещина, которая становилась всё шире и шире, точь-в-точь как раскрывающаяся пасть. Плесневик подплывал к Фурии всё

ближе и ближе, и казалось, что она вот-вот угодит в его пасть, будто в раскрытый мешок, накинутый на голову, и он проглотит её живьём.

Фурия дико вскрикнула и протиснулась в узкий ход – по крайней мере, не одной ей придётся туго в такой тесноте. Плесневик вытянулся узким столбиком и последовал за ней, плоский, как камбала. Фурия до сих пор опережала преследователя метров на пять, но это расстояние сокращалось каждую секунду.

Когда вонь от плесени стала невыносимой, Фурия остановилась и резко выхватила с полки первую попавшуюся книгу. Из щели выпорхнуло несколько птичек-оригами. С шелестом они прыгали по рукам и плечам Фурии, перескакивали с полки на полку и пытались как можно скорее вырваться из луча света и укрыться в темноте.

Фурия швырнула книгу прямо в пасть плесневику. Пасть захлопнулась, а чудище остановилось. Наверное, соображало, не посчастливилось ли ему откусить руку или ногу девочки.

Фурия тем временем пробиралась дальше. Ей на глаза попадались всё новые и новые птички-оригами, летящие в ту же сторону, куда бежала и она. Наконец девочка поняла, почему их так много: птички спасались от плесневику. Похоже, они прилетели из глубин библиотеки и таким образом заманили сюда своего преследователя.

Кровь в висках Фурии стучала как молот. Может, ей

удастся отвлечь его новым броском? Хотя сомнительно. И тогда что-то с силой ударило её в плечо. Фурия сжалась от страха, представляя, как челюсти плесневика сейчас сомкнутся у неё на шее. Но это была всего лишь книга, которую страшилище с силой выплюнуло обратно.

Даже находясь в опасности, Фурия не могла оставить этот разодранный томик вот так, на полу. Библиоманты, не проявлявшие уважения к книгам, теряли свои способности. Если она перестанет любить литературу, её волшебная сила иссякнет. А ведь Фурия ещё даже не успела стать полноправным библиомантом. Капля энергии, которую ей удавалось извлечь из книг, не стоила внимания.

Воспользовавшись тем, что плесневик замешкался, Фурия ещё немного оторвалась от преследователя. Однако погоня продолжалась. Плесневик не давал птичкам-оригами, метавшимся в панике, отвлечь себя от главной цели. Сейчас ему была нужна Фурия.

Использовать полки с книгами, крепко привинченные к стенам, качестве баррикады не представлялось возможным. Единственное, что ей оставалось, – это бежать ещё быстрее, нырять между рядами ещё проворнее и при этом лихорадочно соображать, какие же из своих скромных знаний библиоманта она могла бы применить в такой ситуации. Но для этого ей требовалось сосредоточиться, а сейчас это казалось совершенно невыполнимым заданием.

Перед ней простирался новый коридор, три ступеньки ве-

ли вниз.

Фурия заметила их слишком поздно, когда земля ушла у неё из-под ног. Она грохнулась на пол, больно ударившись коленкой. Фонарь выскользнул из рук и упал чуть впереди, бросив луч света на стену, покрытую книгами, и едва осветив ход, из которого она выбежала.

Плесневик выскользнул оттуда в коридор, снова растянулся вширь и полетел вперёд, оставляя за собой вонючее облако. Фурия видела, как он пролетел над ней, – наверное, на секунду он потерял её след. Вокруг кружили десятки птичек-оригами, их тени походили на угловатых чёрных котов, которые перепрыгивали с полки на полку.

Стая букв ринулась следом за плесневиком, выплеснулась на ступеньки и защитной стеной выросла между Фурией и страшилищем.

Из кишашего роя букв образовалась башня и с силой толкнула плесневика снизу, сбив его с пути. Это, правда, остановило его лишь на секунду, а затем, почувствовав, что удар последовал снизу, он обнаружил стаю Эюя и Фурию. В тот же миг он надулся и, распахнув пасть, ринулся прямо на них.

– Вон! – закричала Фурия скорее не плесневику, а стае букв, которую тот уже втягивал в чёрную дыру.

Буквы в отчаянии пытались зацепиться за ступеньки, шуршали и копошились всё сильнее, но их было слишком мало, чтобы уравновесить шансы. Через несколько минут

вся стая могла исчезнуть в жуткой пасти плесневика.

Фурия, шатаясь, встала на ноги. Бедные птички в панике прыгивали с полок и попадали в поток, безжалостно тащивший их прямо в зияющую пасть.

Эюя, сопротивлявшаяся изо всех сил, в пасти плесневика превратилась в огромный шар из букв, так что страшилище завертелось вокруг своей оси. Но этим она лишь оттягивала своё исчезновение, потому что плесневик сомкнул челюсти и, смачно причмокнув, откусил ещё часть букв.

Стиснув кулаки, Фурия бросилась на плесневика. Руки её по локоть проникли в мягкую грибковую массу. Фурия растопырила пальцы, пытаясь вырвать куски из тела плесневика. Пыльные облака взрывались прямо у неё перед глазами, но даже это, казалось, ни капельки не раздражало страшилище и тем более не обращало его в бегство. Его тело, состоявшее из спор плесени, было прочным и вместе с тем невероятно гибким. Нападение Фурии оставило в нём разве что несколько вмятин.

Фурия попятилась, оступилась о нижнюю ступеньку и чуть не потеряла равновесие. Плесневик плыл теперь прямо у неё перед носом. Ещё несколько секунд он, казалось, переваривал последние буквы, а затем по его плоскому телу пробежала рябь. С омерзительным шипением плесневик, проглотив буквы, снова раскрыл пасть, и Фурия оказалась прямо перед зияющей чёрной дырой, по краям которой прилипли крошки птичек-оригами, а между ними без движения

висели буквы, похожие на остатки шоколадной стружки. От ужасной вони у Фурии перехватило дыхание, и она чуть не упала в обморок.

Может, такой исход не так уж и плох. Что, если ей просто потерять сознание, как это делают кисейные барышни из старинных романов? Тогда она не столкнётся лицом к лицу со злым роком и закончит жизнь красиво. Но плесневик имел дело с Фурией Саламандрой Ферфакс, преемницей рода библиомантов и будущей обладательницей сердечной книги. Она-то уж точно не собирается падать на пол без чувств, словно какая-то недотрога.

Фурия пристально поглядела на противника и собрала всё своё мужество, сжав кулаки и из последних сил резко вытянув руки вверх, – как раз в тот момент, когда над ней находилась пасть страшилища.

Когда на долю секунды перед Фурией открылась пропасть и девочка заглянула внутрь плесневика, её кулаки пробили насквозь пористое тело противника. Когда же она снова вытащила руку, страшилище закачалось и грохнулось на каменный пол, расплывшись по нему, словно зловонный ковёр из плесени. Остатки стаи Эюя разбежались в разные стороны.

Фурия запрыгнула на поверженного противника и, прижав его всем своим весом, стала топтать, не обращая внимания на то, что плесневик пытался сбросить её с себя.

Со всех сторон к нему потянулись буквы, они выстрои-

лись в ряды как крепкие нити, опутали плесневика, словно сетями, и выжали остатки жизни из его волокон. Тем временем Фурия вырывала из нутра страшилища бело-зелёные ключья. Через несколько минут плесневик перестал сопротивляться. Волокна съёжились, как мокрая вата, и вдруг пропали совсем. На полу осталась лишь мокрая дорожка, пахнувшая гнилью и плесенью.

Фурия в изнеможении опустилась на корточки, зачерпнула пригоршню букв, которые песком просачивались сквозь пальцы, и уставилась пустым взглядом на птичек-оригами — те беспечно порхали вокруг, исполняя странный танец радости.

Глава третья

Фурия Саламандра Ферфакс была книжным лунатиком: она читала книги во время сна. Для этого явления существовал специальный термин – *сомнэволизм*.

Никто, кроме Фурии, этим недугом не страдал, поэтому слово она выдумала сама.

– «Сомнус» – это по-латыни «сон», а «эволвере» – «чтение», – объяснила она как-то своему брату Пипу, который был на пять лет младше Фурии. – Вот и получается *сомнэволизм*. Чтение во сне.

Пип читал книги, как все остальные люди, обычным способом – когда бодрствовал, но он знал Фурию слишком хорошо, чтобы ей возражать. Ведь тогда она может, чего доброго, смыть с него клоунский грим, которым он всегда разрисовывал лицо, прежде чем выйти из своей комнаты. Пип боялся клоунов и считал, что в таком виде они примут его за своего.

– Но ведь в нашу резиденцию не заходят клоуны, – говорила ему Фурия, – так что совершенно необязательно целыми днями разгуливать по дому с полным макияжем.

Пип робко улыбался, наверное, потому, что это слово было ему незнакомо. Но сестре конечно же не верил.

– Хотя, знаешь, – лукаво добавила однажды Фурия, – я видела несколько клоунов за изгородью, они бродят по пар-

ку. Иногда они прижимаются лицами к окну в кладовой и оставляют на стекле белые отпечатки, похожие на черепа.

С тех пор Пип больше не заходил в кладовую, и все медовые пряники доставались теперь Фурии. Паулина, кухарка Ферфаксов, была большой мастерицей по части пряников, она пекла их круглый год, щедро поливая медовым сиропом, который отец Фурии добывал из слащавых любовных романов.

Тиберий Ферфакс умел совершать и другие чудеса, но Фурию это ничуть не удивляло, потому что она готовилась однажды унаследовать всю его силу и тоже стать полноправным библиомантом.

Её отец пользовался магией книг лишь изредка, потому что боялся, что враги могут выследить его и детей. Библиомантика была молчаливым искусством. Но власть, магия книг – всех книг – была настолько могущественной, что не столкнуться с ней было невозможно. Тот, кто искал, видел её следы повсюду. А Адамантова Академия только и ждала момента, когда отец Фурии случайно выдаст своё убежище.

– Они попытаются нас убить, – объяснил он детям. В каждом его слове сквозила тревога и полнейшая серьёзность. – Все мы должны быть начеку каждую минуту. И я, и вы.

Фурия прижала к себе младшего брата:

– Ты испугал Пипа.

– Это хорошо, – сказал Тиберий Ферфакс. – Страх перед Адамантовой Академией спасёт жизнь всем нам, потому что

убережёт нас от роковых ошибок.

Фурия слышала эту речь уже много раз, да и Пип тоже. Только он не был библиомантом и, наверное, никогда им не станет. А вот Фурии просто не терпелось поскорее перенять сверхкачества, которыми обладал её отец. Тиберий нашёл свою сердечную книгу в четырнадцать лет. Фурии уже исполнилось пятнадцать, а она до сих пор ждала этого часа. Без сердечной книги ей никогда не стать настоящим библиомантом. Пока что в её арсенале было всего лишь несколько жалких околочеловеческих приёмов, которыми она могла воспользоваться в трудную минуту.

Как только у неё будет сердечная книга, всё сразу изменится – в этом Фурия была убеждена. Ей казалось, что и Тиберий мечтал поскорее увидеть в руках своей дочери заветную книгу. Она замечала беспокойный блеск в глазах отца, когда он искоса поглядывал на Фурию. Она ощущала тревогу в голосе Тиберия, когда он рассказывал о древних временах, об интригах и о тайных беглецах. Она чувствовала волнение отца, когда тот гладил её по голове, разжигая в ней огонь библиомантики.

Но как бы сильно она ни нервничала, это ровным счётом ничего не меняло, потому что сердечная книга сама должна отыскать её, а вовсе не наоборот. Там, снаружи, блистал всеми красками, переливался, кричал и искрился необъятный мир, но Ферфаксы отгородились от него, добровольно заперев себя в поместье Котсуолд среди тишины книг, прячась

от агентов Академии.

Иногда Фурии казалось, что вокруг неё ничего не меняется, кроме времён года. Весной поля покрывались цветами, летом стрекотали кузнечики, осенью изгородь становилась золотисто-жёлтой, а зимой холм утопал в снегу. Всё остальное оставалось неизменным: отец углублялся в свои исследования, Пип прятался от клоунов, а Фурия ждала.

День за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем...

Глава четвёртая

Через час после происшествия в библиотеке Фурия, приняв ванну, сидела в своём старом кресле с раскрытой книгой «Фантастико» на коленях. На неё падал свет лампы с качающимся абажуром. Фурия углубилась в четвёртую главу, где описывалась первая встреча предводителя разбойников с соперницей, а впоследствии его возлюбленной, очаровательной и жестокой Фурией Цингарелли. Она была внебрачной дочерью герцога Миланского и могла унаследовать всё его состояние, если бы не её сводные братья, рыскавшие по заливам и бухтам Лигурийского побережья в сопровождении неугомонных солдат.

Фурия увлечённо читала, а по стенам комнаты одна за другой пробегали тени. Обои в домах библиомантов показывали картины, которые представлялись им в воображении, — отважные герои в истрёпанной одежде, вражеские солдаты в блестящих доспехах и, разумеется, прекрасная воровка, покоровившая своими золотыми локонами не только разбойника Фантастичелли. И всё это происходило на фоне подёрнутых дымкой лесов, которые, покрывая даже отвесные горы, простирались до самого побережья Средиземного моря.

Те же картины возникали в воображении Фурии, когда эту книгу читала ей мать. Именно Кассандра убедила всех называть книгу «Фантастико». Она говорила о романе Зибен-

штерна как о живом человеке. Отец Фурии однажды в шутку назвал его тайным любовником Кассандры. Может, он и сам не верил в то, что говорил, но в его тоне всё же сквозила ревность: каждый вечер Кассандра брала эту книгу с собой в постель.

Обои в комнате Фурии показывали сцены из романа не в том порядке, как, например, если бы по его сюжету снимали фильм. Здесь истории и сцены мелькали хаотично. Но ведь именно так они мелькали и в голове у Фурии – понять их могли лишь сам читатель. Иногда Фурия останавливалась и оглядывалась по сторонам, чтобы на секунду перевести дух, по-настоящему прочувствовать прочитанное.

– Вид у тебя не ахти, – сказала лампа и на миг осветила лицо Фурии, а затем снова бросила пучок света на книгу.

В голосе лампы звучали металлические нотки, будто бы он раздавался из граммофонной трубы. Когда лампа разгибала свои суставы, те нещадно скрипели. Фурия уже несколько недель назад решила попросить Вэкфорда помочь ей смазать лампу.

– У неё болит колено, – сказала кресло глубоким басом откуда-то из кожаных складок, его бас звучал, как всегда, приглушённо и немножко ворчливо.

И правда, сегодня Фурия сидела в кресле, поджав одну ногу, хотя обычно забиралась в него, подтягивая обе коленки к подбородку. Вторую ногу Фурия вытянула, потому что колено до сих пор болело, после того как девочка слетела со

ступенек в библиотеке. Вздохнув, она поудобнее устроилась на мягком сиденье. Кресло что-то добродушно забормотало. Ему очень нравилось, когда на него вот так забирались.

– Всё в порядке, – сказала девочка. – Это всего лишь сияние.

Вернувшись из библиотеки, Фурия довольно долгое время провела в ванной, чтобы как следует отмыться от спор плесневики. Потом она укуталась в фиолетовый купальный халат, надев его поверх ночной рубашки.

Бросив ей в лицо новый пучок света, лампа жалобно закричала:

– Я-то могу разглядеть, когда кому-нибудь по-настоящему грустно.

Даже прожив с этой лампой целых пятнадцать лет, Фурия так и не поняла, как и чем она разговаривает, – у лампы, как и у кресла, не было ни глаз, ни рта. Голос раздавался откуда-то из глубины, а зрение у лампы ничуть не зависело от лампочки – даже когда её выкручивали, лампа всё равно продолжала видеть.

Оба предмета чудесным образом сопровождали библиомантов. Их когда-то давно изобрёл дедушка Фурии, Кассий Ферфакс. Фурия сожалела, что никогда не была с ним знакома.

Глубоко вздохнув, она кивнула теням на обоях, которые вытянулись в человеческий рост. Капитан Фантастико и светловолосая разбойница как раз стояли у обрыва, откуда

открывался вид на холмы, поросшие деревьями.

– Это всего лишь... из-за неё, – сказала Фурия. – Каждый раз, когда я её вижу, мне...

– Тебе что? – спросило кресло с прямолинейностью мебели.

Фурия задумалась: действительно ли она хочет всё объяснить этим двоим? В конце концов она всё-таки сдалась. Много лет назад воображение Фурии наградило разбойницу лицом Кассандры Ферфакс. Но чем больше времени проходило после её смерти, тем более расплывчатыми становились её черты. О маме осталось бледное воспоминание, лишённое чётких контуров, но всё-таки сохранившее некоторое сходство с Кассандрой. Превращение происходило почти незаметно, но в последнее время Фурия всё чаще обращала на это внимание. Постепенно она забывала, как выглядела её мать, и это причиняло ей гораздо больше боли, чем какая-то ссадина на коленке.

– Почему бы тебе не посмотреть на её фотографию, – спросило кресло, – и таким образом не освежить воспоминания?

Лампа возбуждённо бросала отсветы то вверх, то вниз.

– Потому что старый затворник их все давно сжёг, – ответила она, прежде чем Фурия успела открыть рот. – Как ты умудрился об этом забыть, кожаная рухлядь!

Кресло что-то пробормотало и обиженно замолкло.

Фурия захлопнула книгу. Образы на стенах растворились,

на обоях снова проявился узор из светло-голубых цветов.

Девочка осторожно потрогала синяк и проковыляла к письменному столу. Он стоял у высокого окна, из которого был виден главный вход в резиденцию. По ту сторону петляющей дороги простирались холмы Котсуолда, посеребрённые светом луны. В дневное время пейзажи между Оксфордом и Глостером блистали красотой – зелёное море склонов и долин, пронизанное живыми изгородями, ручьями и волшебными рощами. Ночью, однако, эта местность, с её тёмными долинами и петляющими тропинками, походила скорее на волчье логово, особенно когда собаки с дальних ферм начинали выть на луну.

Фурия спрятала «Фантастико» в тайник под паркетом, рядом с письменным столом, и зажгла свечи в серебряном подсвечнике.

– Выключайся! – сказала она лампе.

Её уютный уголок-читальня погрузился в темноту. Лампа и кресло снова казались всего лишь обычными вещами.

Электронные часы рядом с кроватью показывали одиннадцать часов вечера. Фурия выдвинула ящик письменного стола и достала коробку шоколадных конфет. Под ней пряталась вторая книга, нашедшая прибежище в её комнате. Фурия положила её перед собой на стол и открыла тёмно-коричневый переплёт – под ним скрывалась продолговатая коробочка со стеклянным пером внутри. Перо было искусно закруглено, словно вытянутый по спирали домик улит-

ки, сверху донизу его пронзал белый стержень, который переливался сквозь стекло затейливыми узорами. Даже колпачок был стеклянным. Фурии никогда не доводилось видеть более красивых письменных принадлежностей.

В канцелярской лавке ближайшего городка Уинчкомба она как-то купила чернильницу, которая уже почти опустела. В последнее время она пользовалась ею почти каждый день. Первые сорок или пятьдесят страниц книги были мелко исписаны двумя разными почерками. Первый из них, размашистый и заметно девчачий, принадлежал Фурии. Второй почерк казался старомодным, буквы были выведены под наклоном и стояли совсем близко друг к другу, расшифровать их без предварительной тренировки было довольно сложно. Фурия до сих пор иногда наталкивалась на слова, которых она не знала, и на буквы, распознать которые можно было, лишь включив воображение.

Северин Розенкрейц, которому принадлежал этот почерк, пользовался чёрными вязкими чернилами. Фурия выбрала голубые, они казались ей более элегантными.

С тех пор как Фурия научилась пользоваться стеклянной ручкой, кляксы на письме практически исчезли.

Фурия и Северин по очереди писали друг другу в их книге: она – в настоящем, а он – в 1804 году. Фурия не сразу поверила в то, что это возможно, но теперь их переписка перестала быть для неё чем-то уж очень удивительным. Когда она поняла, что с помощью этой книги можно вести беседу с

незнакомым мальчиком, ей уже не составило большого труда принять все остальные диковинки. Например, тот факт, что Северин был её предком и жил в те времена, когда род Фурии проживал в Германии под фамилией Розенкрейц. И лишь несколько лет спустя, в 1836 году, когда их род был разгромлен Адамантовой Академией, оставшиеся в живых пустились в бегство и переселились в Англию. Последние Розенкрейцы стали Ферфаксами и с тех самых пор скрываются в Котсуолде от агентов Академии.

Вчера Северин ответил на её последнюю запись – вообще-то он сделал это двести лет назад, но буквы появились в книге сегодня ночью. Он пользовался той же самой книгой, что и Фурия, *тем же* экземпляром, только вот держал её в руках в другом месте и другом времени, а она – здесь и сейчас. Для Фурии эта книга заменяла смартфон, ведь сейчас именно так посылают друг другу сообщения, делятся новостями, дают советы.

После встречи с плесневиком Фурия почувствовала такой прилив адреналина, что сначала ей пришлось сесть и успокоиться. «Фантастико» был отличным средством для этого. Стоило лишь открыть книгу, вдохнуть её аромат – и она уже чувствовала себя в безопасности. А прочитав страницу-другую, Фурия забывала о всех неприятностях: о своём одиночестве в этой резиденции и о завышенных ожиданиях, которые питал на её счёт отец.

Закончив читать первую главу, Фурия почувствовала, что

достаточно пришла в себя, чтобы поговорить с Северином. Оба они выражались именно так – поговорить, хотя на самом деле этот процесс был для Фурии абсолютно необъясним. Возможно, он был более подходящим для библиоманта.

С помощью пера и чернил она описала ему всё, что с ней произошло. Она знала, что он поймёт. Он был таким же библиомантом, как и она, поэтому рассказать всё Северину было куда проще, чем какому-нибудь мальчишке из Уинчкомба или Стенвея. Иногда ей даже казалось, будто их мысли полностью совпадают. Ему было семнадцать, на два года больше, чем Фурии.

Она, безусловно, понимала, что время, в котором он жил, кардинально отличалось от сегодняшнего. Поэтому Фурия старалась не упоминать в своих письмах всякие современные устройства или приборы, хотя в резиденции Ферфаксов их было не так уж и много. Они жили без интернета и обходились одним древним телевизором, который почти всегда был выключен.

Да и как бы она смогла всё это описать? Гораздо больше ей хотелось говорить с ним о книгах, об отце, о жизни в тайном убежище – полуразрушенном поместье вдали от всего мира.

Он же рассказывал о большом доме на Рейне, в котором жила его семья, о домашней библиотеке, одной из крупнейших в то время, и о том, как он старался примириться с новыми способностями, проявившимися в нём в последние несколько лет. Речь шла о библиомантике, сомнений быть

не могло. Но, скорее всего, в его время этого названия ещё не существовало. Северин стал использовать его только после того, как Фурия однажды упомянула это слово в своих записях.

В его времена ещё не существовало Адамантовой Академии, которая следила за миром библиомантов, не было и войны между пятью домами «Алого зала». Фурия понемногу рассказывала Северину об этом в последние несколько дней. Но сознание ответственности вселяло в неё порой такой сильный страх, что она едва могла вынести его: что, если знания, которые она передаст в прошлое, изменят будущие события? Что, если он, например, решит бросить свою семью или не захочет иметь детей? Тогда несколько поколений спустя Пип и Фурия вообще не родятся.

Она не знала наверняка, является ли Северин их прямым прапрапрадедушкой, и у неё не было никакой возможности это выяснить. Все записи из семейной истории Розенкрейцев были уничтожены до бегства из Германии. Её предки старались стереть все следы, которые могли бы привести от Розенкрейцев к Ферфаксам. За одним лишь исключением. Этим исключением была библиотека. Конечно, в то время она считалась обширной, но это не шло ни в какое сравнение с той огромной коллекцией, собранной позднее. Книги, которые переправляли в Англию на кораблях, и стали началом современного библиотечного лабиринта, скрывавшегося в ка-
такомбах резиденции.

Фурия жаждала общения с Северином, словно героиня старинных романов, нашедшая доброго друга по переписке. В таких романах письма, как правило, доставляли гонцы или посыльные, скакавшие верхом по мрачным лесам и болотам. Фурия ничего не сказала отцу о своей тайной переписке, и в этом была своя интрига. Но история с Северином уже давно перестала быть просто игрой, пусть даже ей самой сложно было в этом признаться.

С утра она первым делом проверяла, не появился ли под её записью ответ Северина. Ещё не почистив зубы, она жадно прочитывала каждое слово, иногда по нескольку раз. И если бы вдруг выяснилось, что её загадочный друг из прошлого всего лишь выдумка её воображения (ведь заводят же некоторые себе вымышленных друзей или слышат неизвестные голоса), она бы вполне с этим смирилась. В таком случае он являлся частью её самой, и никто не мог её этого лишить.

В тот же вечер она описала всё, что приключилось с ней в библиотеке и что заставило её сойти с пути.

Уже много раз Фурия упоминала, насколько важен был «Фантастико» для её матери и какое значение роман имел для неё самой. Ей во что бы то ни стало нужно было удостовериться, что отец не обнаружил книгу, ведь экземпляров наверняка сохранилось совсем немного.

Мысль о том, что из-за страданий отца «Фантастико» может быть утерян навсегда, пугала Фурию гораздо больше, чем встреча с плесневиком.

Закончив писать, Фурия захлопнула книгу и хотела уже положить её обратно под коробку с конфетами, но в последний момент снова на секундочку раскрыла её – слишком уж распирало любопытство, не успел ли Северин за это время ей ответить.

Иногда его письмо появлялось уже через несколько секунд, бывало, это занимало минуты, но никогда ещё ей не приходилось ждать ответа дольше чем один день.

Надежды оказались ненапрасными. Почерк Северина густо покрывал остаток страницы под её записью и часть следующего листа. Чернилам было уже двести лет, в некоторых местах они выгорели и посветлели.

Дорогая Фурия!

Я не знаю ничего о твоей внешности, кроме тех деталей, о которых ты мне поведала, – не слишком высокая, скорее стройная, чем полная, с длинными светлыми волосами и зелёными глазами.

Этого вполне достаточно, чтобы создать твой портрет. И должен признаться, я позволил себе додумать твой образ и чуть украсить его своими деталями, – веснушками на носу, непослушной прядью, что всё время норовит упасть на глаза, и маленькими белыми зубами. (Я знаю, зубы редко бывают по-настоящему белыми, но мне кажется, твои именно такие, будто у королевских особ на полотнах известных мастеров.) Единственное, в чём я уверен НАВЕРНЯКА, – так это в том, что ты девочка,

а не широкоплечий великан с могучими мускулами. Но тебе СТОИЛО бы быть таким великаном, когда ты встречаешься с опасностями, подобными тем, которые ты описываешь.

Фурия улыбнулась его несколько высокопарным оборотам. За четыре месяца их переписки он практически полностью подстроился под её современную речь и стал формулировать мысли более доступным образом. Хотя Фурия неплохо знала немецкий, но над некоторыми выражениями девятнадцатого века ей приходилось долго корпеть.

Могу лишь написать, что считаю тебя слишком легкомысленной. Но мне уже известно, что тебя это мнение заставит лишь улыбнуться и ни в коем разе не удержит от поступков такого рода в будущем. Поэтому я оставляю попытки сподвигнуть тебя на понимание. Прошу лишь: в следующий раз будь осмотрительнее.

Вчера перед отходом ко сну я подумал вот о чём: нравиться друг другу означает говорить на одном и том же языке. Любить друг друга означает писать стихи на одном и том же языке.

Я не знаю, Фурия, пишем ли мы уже с тобой стихи на одном и том же языке, но по крайней мере мы пишем книгу, пишем её вместе.

Фурия почувствовала, как внутри потеплело, и провела рукой по странице. Четыре месяца назад она обнаружила эту книгу в библиотеке между двумя разбойничьими романами

Зибенштерна. В то время она всё ещё искала книги, которые могли бы сравниться с «*Фантастико*». На корешке найденной книги стояло её имя – кто-то написал его от руки: *Фурия*.

Сначала она подумала, что это шутка отца. Но ведь если речь шла о Зибенштерне, он никогда не позволял себе шутить. И тогда ей пришло в голову, что эта книга может оказаться неизвестным романом о воровке из «*Фантастико*». Но, взяв книгу с полки, она с удивлением обнаружила, что страницы совершенно пусты. Фурия собралась уже поставить книгу на место, как вдруг увидела, что на первой странице всё же есть несколько слов, написанных от руки.

Дорогая Фурия!

Если ты существуешь и читаешь эти строки, то прошу: напиши ответ прилагаемой стеклянной ручкой под этими словами.

Меня зовут Северин Розенкрейц. Я пишу тебе это письмо в феврале 1804 года.

Оставайся в добром здравии!

Твой предок

Написать это мог кто угодно из обитателей дома. Например Вэкфорд или её отец. Возможно, даже их водитель Сандерленд, которого она и без того немного побаивалась.

Фурия взяла книгу, и та неделю провела в ящичке письменного стола, прежде чем девочка снова достала её и написала ответ чернилами.

Не могу поверить, что я пишу в этой книге. Теперь

*меня официально можно признать сумасшедшей.
Спокойной ночи!*

После этого она отложила книгу в сторону и три дня старалась её не замечать. А потом в растерянности всё же заглянула в неё, хотя это и казалось ей совершенной нелепицей.

Под её последней строчкой появились слова.

Дорогая Фурия!

Сердечно благодарю тебя за ответ. Возможно, ты склонна считать, что кто-то сыграл с тобой злую шутку.

Могу заверить тебя, что это не так. Чтобы вызвать твоё доверие, предлагаю следующее: выбери любую книгу в вашей библиотеке, единственное условие – она должна быть собственностью вашей семьи по крайней мере с 1804 года. Не думаю, что у тебя возникнут с этим трудности, если, конечно, бережное отношение к книгам, которое всегда было отличительной чертой рода Розенкрейцев, передалось тебе по наследству.

Напиши мне название и номер страницы.

Затем сутки носи книгу с собой, чтобы ни у кого не было возможности что-либо в ней написать. А потом снова раскрой её. На соответствующей странице я оставлю для тебя весточку из 1804 года.

Даже мысль о том, чтобы последовать этим указаниям, казалась Фурии совершеннейшим безумием. Конечно же она немедленно себя уговорила, и всё действительно случилось

так, как было указано в послании. В книге под названием «Абеллино, великий разбойник» на шестьдесят седьмой странице она обнаружила строки, написанные его почерком.

*Фурия,
надеюсь, это развеет твои сомнения.
Твой Северин Розенкрейц,
который увидел тебя во сне
двести лет назад*

Она вернулась в свою комнату, вытащила вторую книгу и написала:

Не знаю, как тебе это удалось, но я поражена.

Немного. Не слишком. Но всё же поражена. Она отложила книгу, и уже через считанные минуты в ней появился ответ:

*Достаточно лишь пера и чернил.
Это совсем не сложно.*

Фурия, макнув перо в чернила, написала своё послание:

*Что ты имел в виду, когда написал, что увидел меня
во сне?*

На этот раз ждать пришлось несколько часов.

Она нетерпеливо мерила шагами комнату, затем забралась в кладовую и наелась медовых пряников Паулины, а потом на секунду закрыла книгу и, снова открыв, обнаружила в ней ответ.

*Во сне мне явилась ты. И мне стало ясно,
как обращаться с этой книгой и для кого она
предназначена. Тебе это, быть может, покажется
полнейшим безумием, поверь, мне тоже.*

Искренне преданный тебе,

Северин

Так всё и началось. С тех пор прошло уже четыре месяца. Они писали друг другу каждый день, иногда по нескольку раз на дню. И вот сегодня появилось это предложение:

*Я не знаю, Фурия, пишем ли мы уже с тобой стихи
на одном и том же языке, но по крайней мере мы пишем
книгу, пишем её вместе.*

Только она хотела снова обмакнуть перо в чернила, как дверь комнаты распахнулась. Фурия мгновенно спрятала книгу в ящик письменного стола, чуть не опрокинув при этом чернильницу. В тёмном проёме показалось светящееся пятно – белая клоунская маска её брата. Он был похож на фарфоровую фигурку, которую поставили на подушку из чёрного бархата.

Светлые волосы Пипа торчали во все стороны. Казалось, он гримировался в большой спешке: белая краска намазана на лице неравномерно, контуры вокруг рта кривые и нечёткие, под глазами красные круги.

– Сандерленд! – крикнул он. – Там, под окном! – Тонкий голосок брата звучал так, будто доносился откуда-то издалека. – Только погляди на это!

Глава пятая

– Он снова за это взялся!

Фурия едва успела отодвинуть в сторону чернильницу, как Пип забрался на письменный стол и устался в окно на ночной двор, прижавшись к стеклу лицом и руками.

– Твой грим! – крикнула Фурия и потянула брата за пиджаму, но на стекле уже отпечатались жирные следы, красные и белые.

– Ах, Пип...

– Ты только посмотри!

– У меня нет ни малейшего желания наблюдать за дурацкими представлениями Сандерленда!

– И вообще это не представления!

Чтобы брат наконец оставил её в покое, Фурия тоже залезла на стол и присела на подоконник рядом с ним. Ей пришлось полностью опереться на левую ногу, потому что правая до сих пор болела.

У входа в резиденцию был один-единственный фонарь. Его свет отражался от «роллс-ройса». Автомобиль был припаркован у самого дома, все дверцы широко открыты, но «роллс-ройс» стоял так, что Фурия с Пипом не могли увидеть, что там внутри.

Была почти полночь, но Сандерленд до сих пор был одет в свою тёмную шофёрскую форму и фуражку. Он был огром-

ного роста, крупный и крепко сбитый, как воскресный за-
всегдатай сельских пивных. Когда Фурия сидела позади него
в машине, ей всегда казалось, что плечи его шире, чем води-
тельское кресло, а лицо мало чем отличалось от каменных
статуй, украшавших могильные плиты за часовней. Широ-
коскулый, с острым подбородком, он почти никогда не хму-
рился. Волосы на совершенно седой голове Сандерленда от-
ливали алюминиевым блеском, хотя ему было лишь немно-
гим больше сорока. И днём и ночью он ходил в солнцеза-
щитных очках. В те редкие моменты, когда Фурии доводи-
лось увидеть его маленькие глаза, они напоминали девочке
острые льдинки.

– Он нас заметил, – сказал Пип.

– Конечно. Именно поэтому он и затеял весь этот спек-
такль.

Сандерленд действительно бросил взгляд из-под козырь-
ка вверх, на окно, слегка поклонился и исчез под поднятой
крышкой багажника.

Пять лет назад отец Фурии дал объявление в местную га-
зету о том, что ищет водителя. Сначала большинство поез-
дов совершал Вэкфорд, но однажды вечером в самом центре
Уинчкомба его задержала полиция – практически в полёте, –
с такой сумасшедшей скоростью неслась его машина. Поли-
ция забрала у Вэкфорда водительские права, оставив ему не
слишком много шансов получить их обратно.

На объявление Тиберия откликнулись трое, и Сандерленд

был единственным, кто приехал на собственном автомобиле. Этот «роллс-ройс» ещё долго удивлял окрестных фермеров, которые неустанно посылали отцу счета, и те безнадежно складывались в штабеля на его письменном столе. Тот, кто ездит на такой машине, рано или поздно всё-таки оплатит свои долги. Сандерленд согласился работать за небольшое жалованье и самостоятельно содержать автомобиль, а за это Тиберий предоставил ему кров и еду. Отцу Фурии понадобилось некоторое время, прежде чем он убедился, что его водитель не является агентом Академии – библиомантом он не был, это очевидно. Постепенно Тиберий понял, что Сандерленду можно доверять.

Водитель поселился в сторожке у ворот резиденции. Он не гнушался никакой работой, например сегодня целый день перетаскивал старинную мебель, чтобы на следующее утро выставить её на улицу и продать. Если, конечно, кто-то проедет по этой пустынной просёлочной дороге, пролегающей через долину.

– Вот! – крикнул Пип. – Снова начинается!

Из открытого багажника дорогого автомобиля на гравийную дорожку падал свет. Тень водителя таинственно растягивалась от входной двери до кустов, словно привидение.

Прежде чем приступить к работе у Ферфаксов, Сандерленд выдвинул одно-единственное, но довольно странное условие – никому не разрешалось открывать багажник его автомобиля.

Покупки и крупные предметы перевозились исключительно на заднем сиденье «роллс-ройса». Если кто и открывал крышку багажника, так только сам Сандерленд. Он утверждал, что там внутри – особенный мир, бесконечный космос, удивительный и опасный.

Какие же, интересно, опасности могли там таиться?

Фурия считала его рассказы глупой выдумкой, но даже её отец смирился с таким ограничением и смущённо улыбался каждый раз, когда речь заходила о багажнике. Тиберий Ферфакс беспрекословно терпел причуды своего водителя. Сандерленд был непоколебим.

Иногда он всё же приоткрывал перед детьми свою миниатюрную вселенную.

Фурия, стараясь не показаться слишком уж любопытной, спросила:

– И сколько времени он уже этим занят?

– Пару минут, – сказал Пип.

Сандерленд отошёл от автомобиля на несколько шагов и скрестил руки на груди. В луче света, бившего из багажника, возникла белая фигура в костюме космонавта, который держал в руке верёвку, привязанную к ошейнику слона. Фурия отдала бы что угодно, лишь бы узнать, как именно этот зверь уместился в багажнике «роллс-ройса». Космонавт и слон ровным шагом удалились, оставляя в воздухе шлейф из серебряной пыли. Пип восторженно захлопал в ладоши, а Фурия вздохнула и отошла от окна.

– Ух ты! – закричал Пип. – Это было замечательно!

– Но это всего лишь глупая иллюзия.

Ну сколько можно объяснять ему, что к чему? С таким же успехом она могла бы поговорить со стенкой.

– Это просто фокус, как с кроликом, которого достают из шляпы. Некоторые пользуются шляпами, а Сандерленд – своим багажником.

Пип смерил сестру презрительным взглядом. Было совершенно ясно: с её мнением он не согласен. *Целая вселенная!* – читалось в его восторженном взгляде. Пип снова уставился в окно: там космонавт как раз заводил слона в ближайший лес. Как и всегда, найти какие-нибудь следы чудес Сандерленда потом будет невозможно. У Фурии имелась своя теория по поводу причудливых спектаклей: возможно, Сандерленд использовал проектор, скрытно установленный в багажнике.

Одно было совершенно точно: книги здесь были ни при чём, иначе её отец, а возможно, и сама Фурия, давно бы это почувствовали. Сандерленд ни капельки не владел библиомантикой, но зато он был отменным фокусником. Его чудачества уже перестали изумлять обитателей резиденции. Единственным, кого представления водителя продолжали восхищать и удивлять, словно он видел их впервые, был Пип. Такое вот странное противоречие: угрюмый Сандерленд, который и улыбался-то редко, не говоря уже о том, чтобы выражать восхищение или радость, отлично знал, как сделать счастливыми других. Почему-то с первого же дня он полю-

бил Пипа и каждый раз старался уделить ему внимание, а вот с Фурией водитель держался хоть и вежливо, но довольно скованно.

Она поймала себя на том, что тоже провожает взглядом шлейф из серебристых пылинок. Те падали на землю и растекались блестящими потоками. Сандерленд повернулся к окну и снова поклонился, затем захлопнул крышку багажника, сел за руль и повёл свой «роллс-ройс» на задний двор – там располагалась парковка. Именно так и заканчивались каждый раз эти странные представления, будто бы ничего удивительного и не произошло.

– Ну-ка марш в кровать! – Фурия спрыгнула со стола, и вдруг резкая боль пронзила её коленку, словно иглой.

Пип продолжал всматриваться в ночь. На горизонте занималась заря.

– До этого были рыцарь с копьём и лошадь, – сказал он, когда Фурия нежно, но настойчиво оторвала его от окна. – И огромная летучая мышь.

– Ты боишься клоунов, а летучих мышей – нет? – Она пристально поглядела на брата и покачала головой: – Пип Ферфакс, ты окончательно сошёл с ума!

Его клоунский рот, обведённый белилами, растянулся в слабой улыбке, потом Пип серьёзно кивнул:

– Я знаю.

– Пойдём-ка спать. Завтра утром у нас уроки, Теофил будет здесь уже в семь часов.

Частный учитель наведывался в их долину из Челтенхема четыре раза в неделю. Он приезжал на своём дребезжащем «форде», который удостоился лишь презрительной гримасы Сандерленда, когда тот впервые обнаружил его на парковке.

– Нет никого похожего на нас. – Пип всё ещё стоял у письменного стола, затем его взгляд упал на стопку книг перед кроватью Фурии. – Даже герои романов и те другие.

– Мы – род Розенкрейцев, – сказала Фурия. – Вернее, то, что от него осталось. И мы не смогли бы стать похожими на остальных, даже если бы старались изо всех сил.

– Мне бы так хотелось быть простым мальчишкой из ближайшего городка вроде Стенвея или Уинчкомба!

– Тогда нам пришлось бы тоже ходить в школу, и в церковь, и в разные кружки. А по выходным подстригать газон перед домом.

– У них есть друзья.

– А у нас есть книги.

Грустные глаза Пипа заставляли сердце Фурии сжиматься от боли, но она старалась не замечать этого взгляда. Единственное средство, которое помогало отвлечь брата от таких настроений, Фурия позаимствовала у Тиберия – просто не замечала их.

И всё же с каждым днём она всё больше волновалась за брата из-за его боязни клоунов. Отцу следовало бы что-то предпринять, но он дни и ночи напролёт проводил в одиночестве в своём кабинете и делал вид, что ничего на свете его

больше не касается. Пип якобы должен был сам перерасти свои страхи. Но Фурия в это не верила. Пипу нужна была помощь, и в глубине души она чувствовала, что их водитель, Сандерленд, тоже это видел и старался поднять настроение грустному маленькому мальчику.

– Сладких снов, – сказал Пип и направился к двери.

Она последовала за ним и обняла его сзади:

– А давай завтра поищем вместе этого космонавта. Что скажешь?

Пип резко развернулся, глаза его сияли.

– После уроков?

Фурия улыбнулась и кивнула:

– А сейчас пойдём, я тебя провожу.

Глава шестая

Где-то над раскидистым деревом прострекотала сорока, спугнув пару голубей. На другом конце резиденции послышался шум мотора и через несколько секунд затих. Мистер Теофил завёл машину, и та, зафырчав, поехала к воротам.

Фурия захлопнула «Фантастико» и сползла с разрушенной стены, на которой довольно уютно провела первую половину дня. Сегодня ночью во сне она в сотый раз прочитала книгу Стивенсона «Остров сокровищ». На рассвете Фурия проснулась уставшей, как будто на ней возили воду. Она не могла контролировать, как часто и насколько долго она погружалась в чтение, но в её памяти оставались даже мельчайшие детали прочитанных во сне книг.

Чаще всего поутру их сюжеты казались ей сновидениями, в которых она сама была одним из действующих лиц.

Боль в колене утихла. Фурия больше не хромала, а когда поднималась или спускалась по лестнице, колено уже не напоминало о себе лишний раз. И всё-таки она решила прогулять урок Теофила и, уютно устроившись на римских развалинах, находившихся на заднем дворе, погрузилась в чтение «Фантастико». Теофил наверняка разозлится, как и всегда в подобных случаях, но Фурия не слишком-то переживала по этому поводу. Героиня книги Зибенштерна, в честь которой девочка получила своё имя, побеждала разбойников и

рыцарей, неужели ей не удастся улизнуть от какого-то там учителя! Тем более что его самой страшной угрозой были дополнительные задачи по алгебре.

Фурия обошла руины, заросшие плющом, и направилась домой. Мимо неё прошмыгнула белка и скрылась в ветвях. В зарослях крапивы и папоротника копошились кролики. На деревьях пели птицы. Уже перед самым входом в дом она сунула книгу в сумку.

С остроконечной центральной башни поднялась стая ворон. Массивные печные трубы упирались в летнее небо. Иногда, если светило солнце, Фурия с чердака карабкалась на крышу, вместе с теплолюбивыми пауками устраивалась на нагретом лучами черепичном скате и наблюдала, как с востока, с моря, друг за другом медленно плывут облака. Здесь, наверху, часто дул сильный ветер, он забирался в каминные трубы и заунывно выл на разные голоса. И лишь ржавый флюгер на центральном фронтоне оставался неподвижным даже при самом сильном ветре.

Фурия бежала вдоль клумб под боковыми окнами, обдумывая, не остановиться ли и не почитать ли ещё чуть-чуть. Но ведь она дала обещание Пипу, и нарушать его было нельзя.

На площадке перед входом работали Вэкфорд и Сандерленд. Вэкфорд всё-таки сжалился и помог своему коллеге с мебелью. Вдвоём они – один в униформе, другой в синем комбинезоне – тащили к воротам туалетный столик. Фурия

не помнила, стоял ли прежде этот столик в одной из шестидесяти четырёх комнат или валялся на чердаке. Девочка с болью наблюдала за тем, как вещи одна за другой перекочёвывали из дома на обочину дороги, чтобы их за бесценок купил какой-нибудь случайный прохожий. Деньгами, полученными от этой распродажи, их семья смогла бы оплатить хотя бы часть ежемесячных расходов.

Найти покупателей для такого хлама становилось всё сложнее. Отец Фурии не хотел пускать в дом профессиональных продавцов, поэтому торговля разворачивалась прямо у ворот, но с каждым днём покупателей становилось всё меньше. Чаще всего их имущество раскупали туристы, которые тряслись в своих автомобилях по извилистым просёлочным дорогам Котсуолда, пока не понимали, что безнадёжно заблудились среди возвышающихся изгородей, и не упирались прямо в ворота резиденции. Если они покупали что-нибудь из нагромождённого Сандерлендом скарба, тот угрюмо показывал им дорогу обратно к цивилизации. Если же туристы не проявляли интереса к пыльному антиквариату, он равнодушно наблюдал за тем, как они сворачивали не в ту сторону.

К крыльцу резиденции вели ступеньки. Справа от двери стояла массивная каменная скульптура – женщина в длинной накидке, в одной руке она держала открытую книгу, в другой – обнажённый меч. Святая Виборада, покровительница букинистов, погибла в десятом веке от рук венгерских завоевателей, отказавшись пустить их в библиотеку своего

монастыря. Эта статуя когда-то охраняла вход в родовое поместье Розенкрейцев на Рейне. Когда оставшиеся в живых члены семьи бежали по реке на север, святую Вибораду они взяли с собой.

Статуя опустила каменный меч и преградила Фурии путь.

– Что для тебя чтение? – раздался откуда-то из глубины скульптуры глухой голос, но её каменное лицо при этом осталось совершенно неподвижным.

Пип каждый раз говорил: «Оно помогает избавиться от страха». Паулина отвечала: «Пустая трата времени». Вэкфорд бормотал что-то неразборчивое, а Сандерленд предпочитал пользоваться старым боковым входом для прислуги. Фурия отвечала на этот вопрос уже в тысячный раз, поэтому уверенным голосом повторила:

– Каждая книга – это убежище, в которое можно возвращаться снова и снова.

Услышав ответ, святая Виборада подняла меч и замерла в прежней позе.

– С тобой хочет поговорить отец, – сказала она, даже не пошевелив губами.

Фурия подумала, что её ждёт суровый выговор за сегодняшний прогул.

– Прямо сейчас?

– Да. Тебе надлежит принести ему немного чёрного льда.

Девочка насторожилась. Если отец требовал лёд, значит, у него наверняка не будет времени на то, чтобы выслушивать

жалобы Теофила. В животе у Фурии всё сжалось.

Она открыла двери и побежала по коридору, облицованному старинной плиткой.

В углу стояла тяжёлая глиняная амфора, которая казалась больше прислонённых к противоположной стене часов. Когда Фурия была маленькой, ей всё время чудилось, что в этой амфоре лежит, свернувшись калачиком, разбойник, который укрылся там во время очередного нападения на резиденцию, а затем так и умер в ней от голода. Как ей пришла в голову подобная мысль, Фурия не помнила. Но книга, лежавшая сейчас в её сумке, наверняка сыграла в этом свою роль. Вот и сейчас Фурия искоса посмотрела на амфору и в который раз решила, что надо бы взять верёвку потолще и забраться по ней на край сосуда, чтобы наконец заглянуть внутрь.

Когда Фурия зашла в кухню, Паулина даже не заметила её. Кухарка, повернувшись спиной к двери и облокотившись на стол, задумчиво уставилась в окно. Было совсем непривычно видеть Паулину вот такой – молчаливой и неподвижной. Обычно в это время она готовила обед, орудуя горшками и кастрюлями и без умолку разговаривая сама с собой, или болтала с Вэкфордом, который частенько заглядывал к ней на кухню.

Паулина была умной женщиной и потому давно догадывалась, что очень нравится Вэкфорду.

На плите в большом котле что-то кипело. Пузырьки перепрыгивали через край, но Паулина рассеянно смотрела в

глубь парка. Сегодня она повязала клетчатый фартук, покрыла голову сеткой для волос и закатала рукава блузки почти до локтей.

Подойдя к холодильной камере, Фурия нарочито громко кашлянула.

Паулина никак не отреагировала. Фурия озадаченно наморщила лоб и, вытащив из старого стеклянного шкафа миску, уже хотела нажать на ручку, открывавшую металлическую дверь холодильной камеры, как вдруг Паулина неожиданно заговорила:

– Ты снова за чёрным льдом?

Она так и не повернулась к девочке, и Фурии показалось, что в оконном стекле кухарка видит её отражение.

– Да, папа сказал, что ему нужно ещё немного.

– Последнее время это случается всё чаще.

– Возможно.

– Не будь наивной овечкой! – Голос Паулины был вовсе не укоризненным, скорее обеспокоенным. – Ты ведь всегда рядом, когда он им пользуется.

Фурия отпустила ручку двери и подошла к Паулине:

– Что-то случилось?

– Случилось? Нет, ничего.

– Ты уверена?

У Паулины вырвался тихий стон, и она повернулась к Фурии лицом, продолжая опираться всем телом на стол, будто боялась потерять равновесие.

– Я просто размышляла.

– Вэкфорд... – Фурия прикусила нижнюю губу.

Паулина улыбнулась:

– Он ничего не скажет, даже если его начнут пытаться и бить палками.

– Может, тебе стоит самой это сделать? Я имею в виду беседу, а не битьё палками.

– Хочу ли я этого?

Фурия пожала плечами:

– Это ты мне скажи.

– Ах, всё так невероятно сложно. Он мне нравится, но...

– Недостаточно сильно?

Кухарка покачала головой:

– Нет, дело не в этом. Просто мне по душе моя жизнь, я люблю её такой, как она есть. Всё это. И ничего не хочу менять. Даже самую малость.

Фурия улыбнулась:

– Вэкфорд, кстати, вчера сказал, что он ненавидит перемены.

– Вот видишь. Может, именно поэтому нам стоит оставить всё, как есть.

«Это какая-то старческая логика, – подумала Фурия, – необязательно в неё вникать». Но она понимала, *что* именно вгоняет Паулину в такую задумчивость.

– Это из-за мебели, да? То есть не из-за неё самой, а из-за того, что она собой олицетворяет?

Из груди Паулины вырвался глубокий вздох:

– Это всего лишь часть... Как-то... всё вместе. Не думай об этом. Может, я просто стала слишком уж чувствительной ко всякой ерунде.

Фурия внимательно глядела на Паулину, а та старательно отводила глаза.

– Поверь, папа делает всё, что в его силах, чтобы не увольнять никого из вас. Ты и Вэкфорд – вы члены нашей семьи. И даже Сандерленд...

Это была неправда. Сандерленд для Фурии был и остался чужаком. Даже после пяти лет работы в поместье, несмотря на все его попытки развеселить Пипа, в его присутствии ей всегда было не по себе. Но единственными, кому она могла в этом признаться, были лампа и кресло.

– Я бы готовила для вас еду совершенно бесплатно, ты прекрасно это знаешь, – сказала Паулина, качая головой. – И твой отец тоже об этом догадывается. Мне хватило бы собственного уголка в резиденции да времени для прогулок по холмам. Понимаешь... Скоро ты станешь совсем такой же, как твой отец. Ты становишься всё более похожей на него.

– Ни за что на свете!

– Ты унаследовала его таланты, и, когда он пользуется чёрным льдом, ты всегда рядом. Он обучает тебя всем этим вещам. В один прекрасный день ты продолжишь его дело.

– Ну он не такой уж и старик. К тому же Пип – мальчик, он унаследует...

Паулина взяла руку девочки и погладила её ладонь.

– Ах, Фурия. Тебе неплохо было бы время от времени навещать мир, который там, за оградой, а не только смотреть в свои старые книги. Времена изменились. Сейчас всё совсем не так, как было сто лет назад даже здесь, в резиденции. И твой отец прекрасно это понимает. Он хочет, чтобы его наследием управляла *ты*, а не Пип.

– Даже если ты и права, я всё равно прослежу, чтобы всё здесь осталось как прежде. Ты и Вэкфорд... – Она запнулась, потому что вдруг поняла, что Паулина печётся вовсе не о своей работе.

Что-то особенное витало в воздухе, какое-то ощущение перемен. Когда после лета приходит осень, другими становятся не только погода и цвет листьев. Меняется воздух, меняется даже свет солнца. Похожее ощущение появилось сейчас здесь, в резиденции. Как будто враз выкрутили все лампочки в доме, и коридоры стали темнее, а тени глубже.

– Всё меняется, – сказала Паулина. – Такова жизнь, таково течение времени. Ты выросла, и даже Пип через несколько лет тоже станет взрослым.

Обе они усмехнулись, словно эта мысль показалась им абсолютно нереальной.

– Он забудет свой нелепый клоунский грим, а ты станешь настоящей женщиной. Так и должно быть. Но я чувствую, что это ещё не всё. – Она резко замолчала, не решаясь продолжать. Затем взяла себя в руки и заговорила снова: – Од-

нажды у меня уже было подобное ощущение. Десять лет назад, когда...

– Когда умерла мама?

– Да.

Внутри у Фурии всё сжалось от боли, но она заставила себя улыбнуться, отодвинула миску и обняла Паулину. Та обняла её в ответ.

– Мне не следовало этого говорить. Ты меня не слушай. Наверное, я слишком часто брожу в одиночестве по холмам.

– Возьми с собой Вэкфорда, – предложила Фурия. – В следующий раз, когда соберёшься, пригласи его.

– Ты действительно думаешь, что это хорошая идея?

– Конечно.

– Он скажет, что у него полно дел. – В уголках глаз Паулины появились крошечные морщинки, которые проявились, лишь когда она улыбалась. – Какой же он всё-таки застенчивый...

Они снова улыбнулись друг дружке, и Паулина поцеловала Фурию в лоб.

– И не позволяй отцу распоряжаться собой. Он очень любит тебя и гордится тобой. Возможно, у него не очень получается это показать, но ему...

– Нужен преемник.

Паулина покачала головой:

– Дело не только в этом, ты и сама всё прекрасно знаешь.

Фурия снова обняла её и сделала несколько шагов к двери

холодильной камеры.

– Кажется, мне надо поторапливаться. Интересно, что у него на уме на этот раз.

– Конечно.

Голос Паулины был всё ещё задумчивым, но уже не таким грустным. Несколько секунд кухарка наблюдала за девочкой, а затем медленно повернулась к кипящему котлу.

На крючке у входа в холодильную камеру висели две мягкие варежки. Фурия надела их и взяла из ящика молоток и зубило. Затем нажала на ручку двери. Та с шипением отворилась, и на кухне повеяло арктическим холодом.

Фурия подставила под дверь подпорку и проскользнула внутрь. Продуктов на полках было совсем немного, они вполне могли бы поместиться в обычном холодильнике. Но этот холодильный блок являлся частью резиденции точно так же, как и библиотека, и римские развалины в парке. И пока в нём хранился кусок льда из замороженных чернил, охлаждение в камере не выключалось никогда.

Иссиня-чёрный куб стоял в самом дальнем углу, на грубой деревянной раме. Когда-то эта была огромная ледяная глыба размером с кубический метр. Но на протяжении многих лет от него с левой стороны откалывали кусок за куском, и теперь этот куб уменьшился почти на треть. С виду он был похож на чёрный карьер.

С помощью молотка и зубила Фурия отколола пару кусочков льда и положила в миску. Если их растопить, то полу-

чится несколько ложек невидимых чернил.

Когда Фурия вышла из холодильной камеры, закрыла её и положила на место молоток, зубило и варежки, Паулина даже не повернулась. У порога кухни девочка оглянулась:

– Я не уйду, Паулина. Никогда.

– А вот следовало бы. И подальше, чтобы Академия тебя не нашла.

– Я её не боюсь. Никто не может сказать наверняка, ищут ли они нас вообще. Столько лет спустя.

– Твой отец в этом уверен.

– Мой отец уверен во многих вещах...

Фурия просто не могла больше говорить об этих, как она считала, навязчивых идеях своего отца, которые не имели никакой связи с реальностью. Поэтому она лишь пробормотала что-то неразборчивое, пожала плечами и добавила:

– Здесь всё останется по-старому. Так было и будет всегда.

Паулина отвела взгляд и кивнула. Фурия нервно улыбнулась, а затем развернулась и побежала наверх по лестнице, в кабинет своего отца.

Глава седьмая

А в это время за тысячи километров от резиденции, на другом конце планеты, в книжной столице мира одна почтенная дама размышляла о том, как бы раз и навсегда уничтожить своих врагов, которые скрываются в Англии.

Буэнос-Айрес в то утро был таким же шумным и многолюдным, как и большинство крупных городов Южной Америки, но даже в нём остались тихие уголки. Одно из таких мест – «Атенео Гранд Сплендид», самый большой и красивый книжный магазин Аргентины.

Бывший театральный зал венчал расписанный фресками купол, вокруг зала шли галереи, украшенные изящными скульптурами. В прежнем амфитеатре перед резными латунными перилами стояли кресла, обтянутые коричневой кожей.

За окнами гудели в пробках автомобили, авеню Санта-Фе пересекал неиссякаемый поток прохожих, а в магазине царил благоговейная тишина, все разговоры велись молча – между книгами и их читателями.

Сидя в уютном кресле, далеко от лестницы, госпожа Антíkва сделала глоток горячего чая, наблюдая поверх латунных перил за тем, что происходило в читальном зале. Это была седая женщина со строгими чертами лица, худая, почти костлявая. Красный цвет любых оттенков ей очень шёл,

и она об этом знала. Элегантный костюм цвета зрелого вина отлично сочетался с обувью, рубинами в строгих серьгах и тёмными тенями на веках. Волосы её поседелли прежде времени – таков был результат бездумного обращения с библиомантикой. Ей было за что благодарить магию книг, но пришлось также пойти на немалые жертвы.

Городские книжные магазины уже давно стали её настоящим домом – как огромные дворцы, вроде «Атенео Гранд Сплендид» и «Этэрна Кадэнция», с массивными люстрами и тихой джазовой музыкой, так и крошечные лавки на боковых улицах, отходящих от Авенида-де-Майо. С раннего утра и до полуночи она бродила по магазинам, напитываясь энергией книг. Даже ночью она блуждала по сумеречным антикварным лавкам, чьи владельцы, казалось, спали не больше, чем она сама, либо дремали прямо над раскрытыми фолиантами.

Она жила в городе тысячи книжных магазинов уже довольно долго.

Лишь в Либрбóполисе их было больше, чем здесь. Но в убежище действовали свои правила, отличные от законов остального мира. Поэтому Буэнос-Айрес действительно выделялся своим количеством книжных магазинов. Среди тринадцати миллионов «портовых жителей», как называли себя обитатели Буэнос-Айреса, нашлось бы, наверное, больше читателей, чем в любом другом городе мира. Но известных библиомантов здесь было мало, потому что все они, как пра-

вило, стремились в Старый Свет.

Госпожа Антиква следила за тем, чтобы оставаться неузнанной. Она очень любила литературу. Она поддерживала себя не только книгами, но и страстью, граничащей с одержимостью. Госпожа Антиква чувствовала, что, читая, приближается к победе над своим противником.

Изящно приподняв мизинец, она поставила чашку на блюдце и снова оглядела читальный зал. Союзники должны были прибыть с минуты на минуту.

Там, где когда-то находились зрительские места, сегодня стояли стеллажи с книгами, между которыми бродили первые за сегодняшний день покупатели. Сверху расположение стеллажей в зале выглядело таким геометрически точным, что напоминало раскопки древнего города.

Госпожа Антиква наблюдала за тем, как в зал вошли трое молодых людей. Она пристально рассматривала их с подозрительностью археолога, который чувствует, что его новые рабочие могут оказаться грабителями.

Троица медленно прогуливалась от одной стены к другой, пытаясь продемонстрировать интерес к разложенным на столах книгам и газетам. Возможно, им удалось бы обмануть других покупателей, но только не госпожу Антикву. Их одежда казалась довольно необычной: шегольские сюртуки и жилетки, цепочки для часов и носовые платки, узкие брюки и дорогая обувь, будто они перенеслись сюда из другого времени. У всех троих были трости с декоративными ручками,

а на голове одного из них даже красовался цилиндр. В Буэнос-Айресе мода менялась так же быстро, как и дни недели, поэтому никто не обращал внимания на то, что эти трое господ, судя по всему, прибыли в книжный магазин напрямиком из салона девятнадцатого века.

Через минуту в стеклянные двери магазина вошли ещё двое мужчин в похожей одежде, высокие, стройные и очень привлекательные.

После того как все пятеро молча собрались вместе, в магазине появился шестой. Окинув взглядом галерею, где сидела госпожа Антиква, он поспешил вверх по лестнице. Его спутники остались внизу, но госпожа Антиква вдруг заметила, что ещё двое мужчин уже давно находятся наверху, укрывшись за спинками широких кресел.

Когда именно они туда пробрались и как она могла их не заметить? Возможно, они были куда более ловкими, чем могло показаться на первый взгляд.

Тем не менее настроение у неё испортилось, и женщина, которая шла к ней по изогнутому коридору, казалось, это заметила.

– Моя осторожность не имеет ничего общего с недоверием, – сказала посетительница. – Виной всему лишь негативный опыт.

Приветствуя молодую женщину, госпожа Антиква поднялась со своего кресла. Вежливость была для неё превыше всего, даже при общении с подчинёнными.

– Надеюсь, вы не будете слишком строги.

Женщина очаровательно улыбнулась:

– Конечно нет. Но иногда число моих врагов растёт так стремительно, что я не успеваю от них избавляться. Вот почему мне приходится принимать необходимые меры.

Госпожа Антиква отлично понимала, что её собеседница не из тех, кто просит прощения. Её сияющая улыбка, невинная красота и хрупкость были лишь маской, под ней скрывалась непоколебимая уверенность в себе, сплав жестокости, гордости и холода.

Настоящего имени молодой леди не знал никто. В мире библиомантов её называли Интригой и говорили о ней только шёпотом.

Она была лучшей наёмной убийцей, а её кавалеры, смазливые подхалимы, служившие её телохранителями, готовы были следовать за ней хоть в адское пекло. Госпожа Антиква не знала ни одной женщины, которая так искусно перебирала бы струны мужских слабостей. Каждый готов был пасть к её ногам, никто ещё не устоял перед чарами этой женщины, когда она, словно паук, плела вокруг жертвы свои сети.

На Интриге было облегающее чёрное платье до колен и высокие сапоги. Волосы чуть выше плеч, безупречная причёска с чёлкой. На первый взгляд это была всего лишь привлекательная женщина лет тридцати, но в её больших глазах таилась настоящая пропасть.

– Прошу, садитесь.

Интрига поблагодарила и последовала приглашению госпожи Антиквы. Когда женщины оказались друг напротив друга, воздух между ними будто накалился до предела – настолько сильны были столкнувшиеся силы библиомантики. Из книг, стоявших на ближайших полках, струилась невидимая энергия и окружала их своими волнами. Но человеку, не посвящённому в тайны библиомантики, могло показаться, что перед ним лишь две стильные леди – одна молодая, другая в годах, одна темноволосая, а другая седая.

Пятеро кавалеров на первом этаже и на балконе продолжали делать вид, будто ничто не связывает их с двумя дамами, которые встретились здесь в последний раз перед совместной операцией. Мужчины небрежно листали книги и изредка улыбались продавцам и покупательницам.

– Сборы завершены, – сказала Интрига. – Всё готово.

Госпожа Антиква не ожидала услышать ничего другого.

– Главное – результат. Вы можете убить Ферфаксов самостоятельно либо передать это дело своим людям. Для меня это значения не имеет.

Интрига провела подушечками пальцев правой руки по маникюренным ногтям левой. Они блестели, словно стальные лезвия.

– Я выполню то, что нужно. Это часть моей миссии.

– Кстати, – сказала госпожа Антиква, – я хочу вознаградить ваши усилия. Не люблю оставаться в долгу.

Интрига отрицательно покачала головой:

– Вы не будете у меня в долгу. Я лишь вношу свой вклад в успех общего дела. Некоторые поступки стоит совершать исключительно по убеждению. Свержение Адамантовой Академии важно для меня точно так же, как и для вас. Если смерть Ферфакса приблизит нас к этому хотя бы на шаг, я готова сделать всё, что в моих силах. Пришла пора свергнуть диктат Академии. Мы слишком долго были в тени этих мужчин.

Даже госпожа Антиква с трудом подавила дрожь – такое презрение чувствовалось в голосе Интриги. Коварная убийца использовала мужчин в собственных целях, но её ненависть к противоположному полу была такой же испепеляющей, как и её красота.

Истинных причин этой ненависти не знал никто. Ходили слухи, что в семь лет тело Интриги было уже как у взрослой женщины – эксперимент библиомантов, в результате которого отец и братья продали девочку в качестве игрушки своим богатым союзникам. В восемь лет ей удалось убить своих мучителей, а через несколько недель – всех мужчин в своей семье. Потом она бесследно исчезла. Через несколько лет, когда Интрига появилась снова, её сопровождала толпа кавалеров, и одному Богу было известно, откуда она их взяла, – может, сама и создала из слов и клея для книжных переплётов.

Здесь, в магазине, госпожа Антиква насчитала семерых таких, на улице, возможно, поджидал ещё десяток или то-

го больше. Никогда нельзя было знать наверняка, скольких спутников приведёт с собой Интрига, и от этого она становилась ещё более опасной.

Чтобы преодолевать огромные расстояния в считанные секунды, библиоманты пользовались искусством прыжков с помощью книг. Но в этом способе были и свои недостатки: перелетать таким образом с места на место одновременно могли лишь два библиоманта. За долгую историю библиомантики, уходящую корнями глубоко в Античность, до времён праматери Федры Геркулании, никому не удавалось обойти этот закон природы. Никому, кроме Интриги. Неизвестно, как именно ей это удавалось, но она могла перелетать с места на место с помощью книг в сопровождении своих многочисленных кавалеров. Иногда их было десять, иногда двадцать, а иногда и больше.

Очевидец одного из нападений сообщил, что видел, как вдруг из ниоткуда появилась Интрига, а за ней – пятьдесят её спутников, и они устроили кровавую бойню. Сам он остался в живых лишь для того, чтобы нести в мир своё свидетельство могущества Интриги. Госпожа Антиква не верила, что силы этой молодой дамы превосходят её собственные, за исключением удивительных способностей перемещаться в пространстве в сопровождении свиты. Может, Интриге всего лишь повезло. Библиомантика, превратившая её из ребёнка во взрослую женщину, освободила в ней нечто неуловимое, и это притягивало к ней всех её последователей.

Поговаривали, что те годы, когда Интрига пропала из виду после мести своей семье, она провела, исследуя тайные писания, и натолкнулась на забытые секретные знания. Но сейчас молодая леди, сидевшая перед госпожой Антиквой, вовсе не казалась ей похожей на учёного книгочея. Конечно, Интрига любила книги, как и каждый библиомант, иначе она давно бы потеряла свою силу. Но ни одно правило не оговаривало, какими именно должны быть эти книги. Возможно, она не читала ничего, кроме дешёвой макулатуры, и лишь для того, чтобы получить новый приток сил. В один прекрасный день, когда остатки рода Розенкрейцев будут разбиты, а Академия уничтожена, госпожа Антиква проведёт с ней давно назревшую беседу о литературе, о Прусте или Джойсе, а может, о золотом веке русской литературы. Тогда-то и станет ясно, из какого теста сделана эта Интрига.

А пока её гнев по поводу того, что в Академии главенствовали мужчины, удавалось направлять в нужное русло. Интрига была важнейшим оружием в планах госпожи Антиквы, поэтому ей не оставалось иного выбора и она всеми силами пыталась привязать к себе Интригу.

– Кстати, рассказывала ли я вам, – спросила госпожа Антиква будничным тоном, – как я свергла своего деда, который был главой рода Антиква?

Интрига откинулась на спинку кресла.

– Да, я знаю об этом, но с величайшим удовольствием услышала бы эту историю из ваших уст.

И тогда госпожа Антиква начала рассказывать свою историю, нещадно приукрашивая её и перекручивая правду до неузнаваемости. Она закончила своё повествование на том, как захватила власть над домом Антиква, а злодея, который долгие годы терзал её семью, задушила собственными руками. При этом госпожа Антиква заметила, как в глазах собеседницы засверкал огонь фанатизма, и удовлетворённо улыбнулась. Да, Интрига будет ей подчиняться, в этом она убеждена. Эта молодая женщина добудет то, что ей нужно.

Поэтому, прощаясь, она позволила себе подарить собеседнице каплю материнского тепла – расчётливо, как и всё, что она делала, госпожа Антиква заключила Интригу в объятия и доверительно прижала её к себе.

Когда убийца со своими кавалерами покидала «Атенео Гранд Сплендид», госпожа Антиква стояла на краю галереи, словно капитан флотилии на мостике своего флагманского корабля, и, опершись руками на перила, уверенно смотрела в будущее.

Глава восьмая

Фурия постучала в дверь кабинета.

Лишь с третьего раза она удостоилась ответа.

– Заходи же! – крикнул Тиберий Ферфакс.

Войдя в кабинет, девочка закрыла за собой дверь и поглядела на широкую спину отца. Он сидел в другом конце комнаты, склонившись над письменным столом, и писал седьмой том «Руководства Хансарта по достижению безмятежного сна».

– Я принесла тебе лёд, – сказала Фурия.

– Положи его где-нибудь.

Их фамилия была вовсе не Хансарт, и Тиберий вовсе не обладал какими-то новыми познаниями в области спокойного сна. Но в кабинете своего кумира Чарлза Диккенса он обнаружил потайную дверь, которая для маскировки была заклеена обложками книг; среди них были и обложки девятнадцати томов «Введения в безмятежный сон» некоего господина Хансарта. Поскольку ни автора, ни его книг никогда не существовало, Тиберий Ферфакс ещё несколько лет назад решил, что должен собственноручно написать это легендарное произведение.

Шесть томов уже стояли на полке, драгоценные единственные экземпляры в переплётках из натуральной кожи с позолоченными буквами.

Как бы плохо ни шли финансовые дела Ферфаксов, «Руководство Хансарта» должно было выглядеть наилучшим образом. Над седьмым томом Тиберий работал уже несколько месяцев, проводя бессонные ночи в раздумьях над спокойным сном. Лишь изредка на передний план выходили другие задачи.

Тогда ему помогала Фурия, используя невидимые чернила.

Сейчас она выискивала свободное место, чтобы поставить миску со льдом, но все столы и полки были завалены книгами. Девочке не хотелось рисковать, чтобы ненароком не уронить какую-нибудь стопку. Наконец она подошла к письменному столу Тиберия, беспомощно оглядела царивший там беспорядок и решительно поставила миску прямо на паркет.

– Что случилось? – спросила она.

Тиберий как раз записывал длинное сложноподчинённое предложение, которое уже расплзлось на половину страницы.

– погоди секунду.

Пожав плечами, девочка пошла к камину. Огонь в нём не горел, а стопки книг, громоздившиеся на полу, придвинулись к нему уже почти вплотную.

Среди книг, которые возвышались прямо на каминной полке, стояла стеклянная банка. В ней находилось несколько необработанных кусков цветного вулканического камня: некоторые были серыми, другие светло-розовыми, попада-

лись и почти рыжие. Банка не была покрыта пылью, потому что отец часто открывал её, задумчиво брал какой-нибудь из камней и сжимал в руке. Он получил эту банку более тридцати лет назад, во время войны с ночными беглецами. Камни с поля боя, на котором полегло так много библиомантов. Их образы до сих пор являлись ему в кошмарных снах. Даже в удачные дни Тиберий порой забывал, что хотел сказать, и глаза его в тот миг заволакивала пелена болезненных воспоминаний.

– Итак... – произнёс за её спиной отец и отодвинул стул.

Когда Фурия обернулась, он делал повороты влево-вправо, пытаясь выпрямить спину.

– Чёрт бы побрал эту поясницу! – тихо застонал Тиберий.

Она знала, что дело не просто в пояснице, – давали знать о себе старые ранения, которые он получил на войне. Прежде чем повернуться к Фурии, отец приподнял чёрную повязку и тщательно протёр глаз. Лишь после того как повязка вернулась на место, он поглядел на Фурию и улыбнулся.

– Ты выглядишь уставшим, – сказала она.

– Книга не сама собой пишется.

– Бывает, что и пишется, тебе стоит лишь захотеть.

– Цель и смысл моей работы заключается как раз в том, чтобы составить это руководство самостоятельно. С помощью библиомантики с такой задачей может справиться любой ребёнок.

На лице Фурии появилось разочарование, тогда Тиберий

встал, подошёл к дочери и положил руки ей на плечи.

– Твоя сердечная книга найдёт тебя, даже не сомневайся.

Его собственная книга хранилась в специальном кожаном футляре, который он носил на поясе, – из него выглядывал маленький томик, всего в палец толщиной. Не все библиоманты носили свои сердечные книги с собой, но Тиберий не расставался со своей ни на миг, чтобы в любой момент защитить семью, если агенты Академии нападут на её след.

Фурия постучала по кожаному футляру пальцем.

– Когда ты был в моём возрасте, у тебя давно уже...

– Я был ранней пташкой, – перебил Тиберий. – Некоторым приходится ждать до девятнадцати-двадцати лет, а бывает, что и того больше.

– Двадцать лет! – Фурия глубоко вздохнула.

– Но с такой же вероятностью это может случиться и завтра. – Он улыбнулся. – Или даже сегодня ночью.

Девочка заметила блеск в его левом глазу и от всей души пожелала увидеть эти искры не только во время разговора о книгах или библиомантике. Возможно, сейчас Фурия слишком волновалась и несправедливо винила отца, но ей казалось, что, не будь в ней задатков библиоманта, Тиберий любил бы её гораздо меньше. «Примерно, как Пипа», – думала иногда Фурия. Можно ли иначе объяснить поведение их отца, который лишь наблюдал за тем, как его сын всё глубже погружается в свои страхи, прибегая к глупому клоунскому гриму в качестве защиты?

– Сегодня ночью? – повторила она.

Довольная улыбка озарила его лицо. Однако она не могла скрыть следы усталости – Тиберий выглядел старым, действительно старым, хотя и слегка оживлённым.

Ему было шестьдесят, молодым назвать его было трудно. Иногда отец казался Фурии невероятно хрупким, невзирая на то, что был почти такого же крупного телосложения, как Сандерленд, и в его седине и широких плечах чувствовалась какая-то неуловимая дерзость. Повязка на правом глазу и борода, а также огромные ладони усиливали это впечатление. Перьевая ручка, длинная, как стручок спаржи, была сделана для него на заказ. Как и у всех опытных библиомантов, его кожа давно утратила запах тела – и кожа, и густые вьющиеся волосы пахли книгами.

– Операцию начинаем ровно в полночь, – сказал он. – Всё готово.

Сердце Фурии тревожно забилося, но она быстро взяла себя в руки.

– Как долго ты уже к этому готовишься?

– Несколько дней.

На самом деле это означало несколько недель. Фурия догадывалась, что уже несколько месяцев отец работает вовсе не над «Руководством Хансарта».

– О боже, папа! Ну разве ты не мог предупредить меня хоть чуточку раньше?

– У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

Его улыбка показалась ей чересчур ироничной. Тиберий прекрасно знал, что его дочь почти никогда не покидала резиденцию и, конечно, не планировала никаких встреч. Паулина была права: Фурия слишком на него похожа. И самое скверное заключалось в том, что ничего другого она и не желала. Иногда, правда, ей хотелось совершить что-нибудь из того, что она на самом деле считала совершенно ужасным, лишь бы не оставаться такой предсказуемой.

– Вообще не обязательно надо мной смеяться, – тихо сказала она.

– Мне жаль, что ты это так воспринимаешь.

– Нет, ни капельки тебе не жаль.

Он хотел положить руку ей на плечо – это был его странный способ обнять дочь, но Фурия сделала шаг в сторону, притворяясь, будто вдруг обнаружила на столе что-то интересное. В тот же момент она действительно кое-что увидела и стремительно подлетела к отцу.

– О папа! – воскликнула она с укором.

Фурия взяла в руки книгу «Виолетта, предводительница пиратов». Эту книгу приписывали юному Зибенштерну, и это был один из его лучших романов. Фурия прочитала её летом, мечтая вместе с Виолеттой преодолевать бури карибских вод и внушать страх испанской военной флотилии.

– Неужели обязательно каждый раз выбирать именно его книги? – спросила она. – Ведь она у нас в единственном экземпляре.

Лицо отца помрачнело.

– Зибенштерн виновен во всём, что произошло с нашей семьёй. Иначе мы до сих пор назывались бы Розенкрейцами и были членами Академии. – Взгляд Тиберия каждый раз не оставлял ни малейших сомнений, насколько тяжело ему обсуждать эту тему. – Чем быстрее исчезнут его книги, тем скорее все забудут, что он вообще существовал.

Сейчас она могла бы снова затеять вечный спор о том, что отец по-прежнему доверяет лишь тем временам, когда их предки обладали членством в «Алом зале» – первом союзе библиомантов. Именно из этого союза позже и образовалась Адамантова Академия. Фурия могла бы часами говорить о противоречии в аргументах отца, о том, что именно агенты Академии хотят лишить их жизни. И конечно, о его лютой ненависти к Зибенштерну, который стал причиной падения двух домов этого союза. Радость, которую испытывал отец, используя книги Зибенштерна для своих прыжков и тем самым уничтожая их, граничила с одержимостью.

Но ничего из этого Фурия не сказала – просто потому, что спорила с ним уже много раз, но он ещё никогда не проявил даже толику понимания. Главное, чтобы в его руки не попал «Фантастико».

Она попыталась сосредоточиться на испытаниях, через которые им предстояло пройти сегодня ночью. Фурия их не боялась – в конце концов не в первый раз она наблюдала за тем, как отец охотится на печально известные *пустые* кни-

ги. Но она прекрасно понимала, что на пути их подстерегает немало опасностей.

Фурия убрала несколько стопок книг, стоявших рядом с письменным столом, и осторожно присела в кресло. Отец снова занял своё место, повертел в руке ручку и начал посвящать дочь в свой план.

Глава девятая

Немного погодя Фурия достала из тайника книгу Северина и выбралась вместе с ней через люк на крышу резиденции. По хрупкому скату она поднялась к центральной башне, уселась верхом на ржавый флюгер, поставила чернильницу между двух кирпичей и открыла книгу.

Ветер трепал волосы девочки, а она снова и снова перечитывала последнюю запись.

Нравиться друг другу означает говорить на одном и том же языке. Любить друг друга означает писать стихи на одном и том же языке. Я не знаю, Фурия, пишем ли мы уже с тобой стихи на одном и том же языке, но по крайней мере мы пишем книгу, пишем её вместе.

Она задумалась, что ему ответить, но всё, что приходило ей в голову, уже в следующий миг казалось глупым и странным. Тем не менее Фурия хотела объяснить ему, как важны для неё их беседы и насколько она ему доверяет. За последние недели она поведала ему кое-что о библиомантике, и это, казалось, помогло ему разобраться в собственных сверхспособностях.

Отец Северина был издателем. Скорее всего, в начале девятнадцатого века это дело не было слишком прибыльным. Но Розенкрейцы были довольно богатыми, поскольку

несколько предыдущих поколений скопили огромное состояние, и, как единственный наследник, он имел полное право воспользоваться этим богатством, посвятив себя литературе, которую так любил. Старшие братья Северина должны были в будущем перенять дело отца, и для него самого тоже была предусмотрена должность. Никакой коммерческой жилки и интереса к продажам у Северина не наблюдалось, поэтому на два года он пошёл в ученики к переплётчику. Планировалось, что он будет следить за изготовлением книг, а его братья – отвечать за их продажу. Северин, казалось, был вполне доволен таким разделением обязанностей. Он был счастлив просто оттого, что из кожи и бумаги собственными руками создавал книгу, которая проживёт, быть может, несколько сотен лет.

Семья Розенкрейц по тем временам была очень большой – множество двоюродных братьев и сестёр, среди которых были и те, кто пробовал свои силы в сочинительстве. Но способности Северина превосходили все их потуги. Он родился библиомантом, пусть даже в его времена такого понятия не существовало. До своей переписки с Фурией он предполагал, что является единственным человеком на свете, который умеет использовать силу книг.

Сначала Фурия отнеслась к нему довольно подозрительно. Её первой мыслью было: а что, если Северин – агент Академии? Вдруг он хочет выпытать у неё, где именно её семья скрывается от преследователей? Но за те несколько недель,

что они переписывались, он ни разу не поинтересовался, где находится её дом. Наверное, Северин считал, что её семья до сих пор живёт в том самом доме на Рейне, в котором обитали в своё время Розенкрейцы. Он никогда не пытался расспрашивать Фурию о чём-то, кроме тех фактов, которыми она делилась с ним сама.

Больше всего его интересовала библиомантика и всё, что с ней связано. Её удивляли эти вопросы, ведь современные библиоманты получают знания с раннего детства от своих родителей. Как изменилась библиомантика за двести лет, которые отделяли их друг от друга!

Когда именно Адамантова Академия захватила власть? Насколько велик мир библиомантов, о котором простым смертным ничего не известно? И что это за города-убежища вроде Либрополиса, а также другие уголки, находящиеся по ту сторону привычного мира?

Фурию учили, что первым библиомантом была праматерь Федра Геркулания. Но официальная история библиомантики началась лишь в 1780 году. Именно тогда пять влиятельных семей решили объединиться в альянс, который назвали «Алым залом» – по названию места, в котором было подписано соглашение. В этот союз входили самые могущественные библиоманты того времени. Они были призваны бороться с несправедливостью и стоять за правду. Члены союза поклялись хранить в тайне от невежественного мира свои законы и правила.

Северин тоже слышал об «Алом зале»: его отец был одним из основателей альянса. Однако Северин настаивал, что это всего лишь ассоциация издателей и книготорговцев, которая не занимается ничем, кроме безобидных торговых соглашений.

Фурия мягко намекнула, что, возможно, отец не рассказывал ему всю правду, но Северин остался при своём мнении. Ему и самому уже довелось участвовать в собраниях «Алого зала», и всегда на них обсуждались лишь тиражи, цены, затраты на печать и плохое качество современных текстов.

Скажу тебе честно: это было невероятно утомительное мероприятие. Представь себе скучнейшую на свете вещь, умножь её вдвое, а затем результат увеличь ещё в десять раз. Именно таков этот «Алый зал». День-деньской они пьют стаканами вино и пиво, а к вечеру настолько пьяны, что поутру уже не могут вспомнить собственных постановлений. С библиомантикой это не имеет ничего общего, поверь мне, совершенно ничего.

Фурия всё же считала, что некоторые вещи от него скрывают, но решила пока об этом больше не писать. Лишь после настойчивых расспросов Северина она рассказала ему о событиях, которые привели к расколу в «Алом зале» и созданию Адамантовой Академии.

Это было в 1835 году (через тридцать один год в будущем Северина). К этому времени появились несогласные, кото-

рые поставили под сомнение авторитетность «Алого зала», – библиоманты, не принадлежавшие ни к какому союзу и отвергавшие любые законы. Зибенштерн, который начинал как автор разбойничьих романов, стал одним из них. Именно он создал позорные пустые книги и, таким образом, привёл к расколу альянса пяти влиятельных домов.

На первый взгляд это были всего лишь книги с чистыми страницами. На самом же деле они наполнялись энергией библиомантики. Никто не мог сказать наверняка, сколько именно существует таких пустых книг – тридцать, по оценкам одних, или пятьдесят, по предположениям других. Эти пустые книги называли ещё бомбами замедленного действия.

В определённый момент эти «бомбы» могли заразить все книги, находившиеся рядом, вирусом пустоты. Этот вирус распространяется по принципу домино с такой невообразимой скоростью, что уже через несколько часов все книги мира оказываются заражёнными. А спустя несколько дней во всех библиотеках Земли остаются лишь охапки чистой бумаги. Вся литература, таким образом, может быть уничтожена в один миг, а вместе с ней и библиомантика. Этот книжный апокалипсис получил пышное название – «обеззначивание».

Никто не знал, почему второсортный писатель вдруг стал врагом всех библиомантов. Что именно разожгло в нём такую ненависть? Почему он хотел положить конец всей литературе на свете? И откуда он почерпнул такие знания и силу,

чтобы создать пустые книги и начать обеззначивание? Пока что на эти вопросы не мог ответить никто.

После того как члены «Алого зала» узнали о том, *что* на-творил Зибенштерн, они обязаны были принять защитные меры. В рядах альянса царило разногласие по поводу того, как именно вести себя перед лицом надвигающейся опасности. Некоторые библиоманты считали эту историю лишь выдумкой, а другие искали всё новых и новых виновников. Зибенштерн тем временем бесследно исчез. Тогда взялись за его семью. Розенкрейцев лишили членства в «Алом зале», отношение к ним стало презрительным. Их обвиняли в том, что представитель именно их рода запустил эту машину самоуничтожения.

Тем временем члены семейства Антиква обнаружили в одной из библиотек Санкт-Петербурга первую пустую книгу.

Вместо того чтобы передать важную улику в руки единомышленников, они решили использовать её для своих опытов. Когда их попытки были раскрыты, экспериментаторы утверждали, что действовали лишь во благо библиомантики. Библиоманты «Алого зала» обвиняли семейство Антиква в том, что те намеревались использовать силу пустых книг в своих корыстных целях. Спор перерос в конфликт, какого ещё не случалось в мире библиомантики. Начались ссоры, покушения, и наконец был нанесён последний, сокрушительный удар трёх оставшихся в союзе семей по мятежному дому Антиква. За одну кровавую ночь вся семья вместе

с близкими и дальними родственниками была уничтожена. Розенкрейцы попытались противостоять убийцам, но проиграли эту битву. Лишь немногим из предков Фурии удалось зимой 1836 года бежать в Англию, где они и осели на заснеженных холмах Котсуолда и взяли себе фамилию Ферфакс.

Род Антиква прекратил своё существование в чёрный год кровавой резни. Остальные три дома объявили о роспуске «Алого зала» и присоединились к Адамантовой Академии, которая с тех самых пор управляет всеми библиомантами с помощью грубой силы. Под предлогом того, что необходимо предотвратить обезначивание, были приняты новые законы, романы Зибенштерна сожгли, а некоторые приёмы библиомантики запретили использовать. Академия установила неограниченную власть над скрытым миром библиомантики, и так продолжается до сих пор.

Однако всё сильнее и увереннее становились голоса, которые утверждали, будто обезначивание и пустые книги Зибенштерна призваны свергнуть диктатуру трёх семей. Катастрофы так и не произошло, поэтому многие считали, что так называемое проклятие Зибенштерна было не более чем выдумка, которую можно сравнить с концом света во всех фанатичных религиях и в календаре майя. Зибенштерн будто бы стал жертвой интриг, его устранили и переложили на него вину за то, чего на самом деле не случилось и не случится никогда.

Между тем Академия пыталась заставить замолчать всех

инакомыслящих. Всё чаще агенты Академии и полиция прочёсывали тайные укрытия, в которых встречались библиоманты, собирали информацию, обвиняли предателей и устраняли повстанцев.

Ферфаксы же, наоборот, стремились поддерживать всех врагов Академии, всех тех, кто пытался отстоять честь Зибенштерна. Но один из Ферфаксов считал, что знает всё гораздо лучше любых мятежников.

Тиберий Ферфакс.

Отец Фурии с непоколебимым гневом верил в вину Зибенштерна. Спустя годы поисков ему наконец удалось найти новые пустые книги. Он обнаружил их в Центральной Европе и Аравии, в Южной Америке и Японии. Ему пришлось совершить бесчисленное количество прыжков, чтобы добраться до всех этих мест – хранилищ и библиотек, собранных неугомонными коллекционерами.

Ни один из них толком не знал, какие именно книги таились на его полках, и лишь немногие из них были библиомантами. Верить в страшный вирус обеззначивания не хотелось никому из них. Поэтому Тиберий Ферфакс понадеялся на единственное средство, которое обещало наибольший успех, – на воровство.

Но зачем ему так рисковать?

Почему он не объявит, где именно находятся пустые книги, а уж Академия позаботится остальном? —

спросил Северин.

Фурия, поколебавшись, поделилась с ним своими соображениями.

Мой отец убеждён, что Академия не уничтожает книги, а исследует, чтобы затем использовать их силу в своих корыстных целях. Он считает, что только ему удастся раз и навсегда обезвредить пустые книги, и, кто знает, возможно, он прав.

Для своих операций он использует специальные чернила, которые разработало семейство Антиква во время своих опытов с первыми пустыми книгами. После исчезновения этого семейства чернила попали в распоряжение моей семьи. Мы храним их замороженными в виде ледяной глыбы, чтобы они не портились.

Уничтожать пустую книгу очень рискованно, потому что тем самым можно запустить обезначивание.

Опасность того, что высвободится определённая энергия, которая инфицирует другие книги, слишком велика. Чернила семейства Антиква не портят книги, а лишь делают текст на их страницах видимым. Таким образом, пустые книги теряют свою силу.

Пока что Тиберий обнаружил и обезвредил четырнадцать таких книг. Сколько ещё их осталось, не знает никто. Но ты также спросил меня: зачем папа это делает? Во-первых, потому, что он любит книги больше, чем что-либо другое в этом мире. Он не может принять того, что один из его предков в ответе за

невероятную опасность, которая может уничтожить всю литературу на свете.

Во-вторых, мой отец считает, что, если он найдёт все пустые книги, Академия снова нас признает. Он надеется, что Ферфаксы снова станут Розенкрейцами и что тогда мы получим членство в Академии так же, как когда-то в «Алом зале». Его мечта – чтобы всё стало как раньше, до раскола.

Знаю, что это звучит глупо. Академия хочет нас убить, а мой отец верит в то, что она могла бы принять нас в свои ряды. Он серьёзно считает, что члены Академии раскроют нам свои объятия, стоит только обезвредить все пустые книги. Он мечтает о старых добрых временах, в которых на самом деле никогда не жил. Вот почему мой отец так сильно ненавидит Зибенитерна. Зибенитерн уничтожил наше доброе имя, нашу репутацию, наше будущее. Возможно, это действительно так. Но как бы там ни было, я не могу поверить, что Академия согласится забыть вражду и предоставит нам место в своих рядах.

Наверное, сейчас ты спрашиваешь себя: зачем же он хочет стать частью Академии, представителем диктатуры, которую ненавидит столько людей. Но мой отец убеждён в том, что способен повернуть время вспять. Он говорит, что, как только у Академии снова станет достаточно здравого смысла, многое можно будет изменить: отменить запреты, уволить агентов и очистить свою собственную историю, как

это делает он.

Боюсь, это ложные надежды. Всего лишь мечты и пустая трата сил. Не пойми меня неправильно – я очень люблю своего отца. Но он запутался в собственных сетях, из которых не может выбраться. Он внушает мне страх, и с каждым днём этот страх растёт.

Уже около года отец заставляет меня сопровождать его в поисках очередной пустой книги. Ты бы мог требовать такое от своей дочери? На нас охотятся, в нас стреляют, будто в грабителей (которыми мы в общем-то и являемся). Но, должна признаться, это захватывает дух. Не знаю, существует ли в твоём времени выражение «щекотать нервы». Сегодня его почти не используют, по большей части оно встречается в книгах, но лучше это состояние не описать. Мне нравится то, что мы делаем. Чем опаснее, тем лучше.

Вот скажи мне: это вообще нормально? Или я медленно схожу с ума в этом доме, в этой долине, скрытая от всего мира?

Глава десятая

После того как отец подробно описал Фурии, что именно он задумал совершить сегодня вечером, она довольно долго сидела неподвижно на крыше резиденции и глядела вдаль. На склонах холмов паслись овечки – белые пятна на сочно-зелёном полотне.

Резиденция располагалась на краю долины, и сильный западный ветер всегда приносил с собой ароматы с диких холмов. Воздух пропитывался запахами мокрой травы, листьев и тайнами зарослей, которые начинались за густой живой изгородью.

Лишь спустя некоторое время Фурия заметила, что чернила на кончике пера высохли. Сегодня в книге Северина не появилось ни одного слова. Основное из истории библиомантики Фурия поведала ему много дней назад. Северин лишь изредка задавал вопросы, которые его интересовали. Он обычно поступал точно так же, как и она, – рассказывал о своей жизни, строгом отце, повседневных делах и своей работе переплётчика. Но самое главное, он описывал свои чувства.

Иногда Фурия не могла сдержать улыбку, вчитываясь в его цветистые и витиеватые фразы, но и Северину наверняка тоже приходилось поразмыслить над некоторыми её оборотами. Как бы там ни было, но их разделяло двести лет, одна-

ко Северин и Фурия отлично друг друга понимали, во всяком случае ей так казалось. Возможно, именно эта временная пропасть позволяла ей быть с ним по-настоящему откровенной. Притворяться было незачем, ведь ей никогда не доведётся посмотреть в его глаза.

Пронзительный свист прервал ход её мыслей. Он доносился с заднего двора. Там, за римскими руинами в конце сада, где покоились развалины кирпичных стен и остатки колонн, торчащие из сорной травы, словно надгробные плиты, заканчивалась территория резиденции. От холмистой долины её отделяла узкая полоса кустов и деревьев. За ними начинался резкий подъём на высокий холм. Далее вверх по склону вились железнодорожные пути, по которым проезжали лишь старые поезда с ржавыми грузовыми вагонами. Днём и ночью, через определённые промежутки времени, они проводили грузы в Оксфорд и Лондон. На поворотах им приходилось снижать скорость практически до пешеходной, издавая при этом предупреждающие сигналы, чтобы разогнать овец и коров.

Внизу, у главного входа в резиденцию, Вэкфорд громко свистнул, копируя гудок паровоза. Они с Сандерлендом выносили на улицу очередной шкаф.

Фурия усмехнулась. Вэкфорд частенько позволял себе такие чудачества, чтобы вывести из себя невозмутимого водителя. Это был давно сложившийся ритуал между двумя мужчинами, и, конечно, Сандерленд даже бровью не повёл, как

Вэ́кфорд ни старался.

Пока вагоны заносило на узких поворотах, Фурия снова перевела взгляд на раскрытую книгу, лежавшую у неё на коленях. Она обмакнула стеклянную ручку в чернильницу, отступила немного от последней строчки Северина и начала писать.

Сегодня ночью это случится снова. Я буду сопровождать отца во время его прыжка.

Подобное происходило впервые с тех пор, как они начали переписываться, но Северин знал, о чём речь, а Фурия знала, что он будет беспокоиться. Она представила, как Северин покачал головой и в задумчивости поглядел в окно на Рейн. Длинные светлые волосы до плеч, старомодный сюртук, рубашка с кружевами, как у Хитклиффа³ в «Грозовом перевале», и пальцы, перепачканные типографской краской.

Папа обнаружил ещё одну пустую книгу две недели назад и с тех пор тайно вёл подготовку к нашей операции. Для прыжка мы снова будем использовать одну из книг Зибенштерна – «Виолетта – предводительница пиратов». Мой отец нашёл в катакомбах второй экземпляр и отправил его срочной почтой в Турин, тому самому коллекционеру. Тот должен был получить книгу несколько часов назад. И если всё получилось, как было задумано, то сейчас она находится в конечной точке нашего прыжка.

³ Хитклифф – герой романа Э. Бронте «Грозовой перевал» (1847).

Для того чтобы перемещаться с помощью книг, всегда нужны два совершенно одинаковых экземпляра, обязательно из одного тиража.

Мы используем первую книгу в качестве передатчика, а вторую – в качестве приёмника. Отец и я с нашим экземпляром приземлимся в том же месте, где в тот момент будет находиться вторая книга. Надеюсь, что её новый владелец окажется настоящим коллекционером и поставит её на одну из полок в своей библиотеке. Папа отправил книгу якобы от имени одной из книжных лавок Лондона. Если же получатель просто выбросит роман, мы рискуем закончить наше путешествие под прессом для мусора.

Несложно предположить, что бывали и такие случаи, когда вторая книга оказывалась, например, в собачьем питомнике или в море. Мне рассказывали, что однажды кто-то заподозрил подвох и книгу-приёмник отнесли в крематорий. Когда библиомант оказался на месте, у него было время сообразить, лишь где он находится, а затем печь разожгли, и он сгорел заживо.

Фурия совсем не хотела переборщить со страшными историями, но эта была вовсе не выдумкой. Отец рассказал ей об этом случае, чтобы показать, каким опасным может оказаться путешествие с помощью книг. С тех пор ей снились кошмары о всевозможных прыжках, и она всем сердцем ненавидела эти опасные перемещения.

Книги после прыжка исчезают – просто растворяются в воздухе. Это жертва, которую мы

приносим. Чтобы вернуться к начальному пункту, нужны ещё два одинаковых экземпляра. Бьюсь об заклад, папа уже приготовил для этой цели ещё какой-нибудь роман Зибенштерна.

Фурия положила ручку, раздумывая, стоит ли ещё что-нибудь добавить. Наконец она снова опустила стеклянное перо в чернильницу.

Я точно знаю: пустые книги существуют, я видела их собственными глазами. Но действительно ли они так опасны, как мы думаем? Обеззначивание – правда или выдумка? Этого не знает никто. Я помогаю своему отцу, потому что...

Она на секунду остановилась.

...Потому что он – мой отец. Потому что я люблю его. Потому что он так сильно верит в то, что делает. Но неужели и МНЕ обязательно нужно в это верить? Может, достаточно делать что-то ради другого человека? Просто потому, что любишь его.
Твоя Фурия

Глава одиннадцатая

– Ты готова? – спросил отец.

Одетые в тёмные комбинезоны с накладными карманами, они стояли в его кабинете друг напротив друга, и каждый со своей стороны держал за край книгу о Виолетте.

– Да, – уверенным голосом соврала Фурия. – Мне всё ясно.

На самом деле не было ясно абсолютно ничего. Она думала о крематориях, о коже и костях, которые превращаются в прах. И спрашивала себя: что же будет с Пипом, если они не вернутся из этого путешествия?

– Отпускай! – сказал тогда Тиберий.

Она убрала руку, точно так же, как и отец. Книга в пожелтевшем картонном переплёте повисла между ними прямо в воздухе... Казалось, она колыхнется на волнах и слабо мерцает, как бывает, если на выцветшую надпись смотреть сквозь толщу воды. Полки у стены кабинета задрожали, их очертания расплылись, как будто на них накинута целлофановый пакет. Время сгустилось до вялого потока. Тело Фурии, словно вихрь мельчайших частиц, перемещалось по частям: у неё было такое чувство, будто лицо отделилось и улетело в пустоту. Она хотела схватить его, но руки стали роем мерцающих молекул.

Затем Фурия с безумной скоростью полетела в бездну.

Это состояние было совершенно несравнимо с обычным падением. Бездна оказалась более пустой, нежели космическая темнота. Фурия потеряла из виду отца. Ей стало жутко от мысли, что она может остаться в одиночестве в этой кошмарной пустоте, в этом странном месте, которого на самом деле не существовало.

Ей казалось, она стремглав несётся сквозь невероятные фантазии какого-то незнакомца, который властен либо взять её с собой, либо оставить в этом состоянии навсегда. Возможно, именно так и было, ведь на самом деле они не перемещались из одного места в другое, из Англии в Италию, а копошились в мыслях того, кто описал этот прыжок, – в тёмных мыслях Зибенштерна.

Но стоило ей всерьёз задуматься об этом (как обычно бывает, когда что-то кажется тебе таким логичным в полусне и совершенно нелепым после пробуждения), её сознание вдруг снова соединилось с телом. Скорость падения замедлилась, и через какой-то миг полёт завершился. Пустота наполнилась волокнистой материей. Девочка ощутила нежные прикосновения к своей коже, будто ей пришлось пролететь сквозь узорчатое переплетение прозрачных крылышек насекомых.

Фурия вскрикнула, ноги её подкосились. Она снова ударилась тем самым коленом, на котором уже красовался синяк. Уже в следующий момент отец потянул её за руку и поставил на ноги. Девочка хотела что-то сказать, но он зажал

ей рот рукой и, наклонившись, молча покачал головой.

Конечно, ей следовало вести себя тише. Ещё бы, она прекрасно об этом знала! Но когда мозг из воздушного облака снова превращается в нервную ткань, из головы вылетают все предостережения.

– Мы здесь не одни, – прошептал отец ей на ухо.

Она коснулась руки Тиберия, давая ему понять, что ладонь уже можно убрать от её лица. Она почувствовала запах книг, а когда глаза привыкли к полутьме, смогла их увидеть.

Они очутились в огромном помещении – по меньшей мере в четыре этажа высотой. Лишь присмотревшись внимательнее, Фурия поняла, что это был старый монастырь. Монастырь, полный книг.

От ламп, свисавших со сводчатого потолка на длинных проводах, исходил приглушённый свет. На самом верху угадывались фрески – едва различимые тёмные фигуры ангелов и демонов, застывших в безумном хороводе.

Помимо опор по обе стороны центрального неф⁴ в зале было много других колонн и массивных башен с книжными полками. Вокруг каждой колонны диаметром не менее шести метров кольцами обвивались галереи. Их соединяли друг с другом лестницы, на многих уровнях от колонны к колонне протянулись изящные мостики. Посетителю этой библио-

⁴ Неф (*фр. nef*, от *лат. navis* – «корабль») – вытянутое помещение, часть интерьера (обычно в зданиях типа базилики), ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, отделяющих его от соседних нефов.

теки совершенно необязательно было ступать на пол, чтобы перейти от одной полки к другой.

Фурия и её отец приземлились за одной из колонн, недалеко от центра помещения, рядом со столом, заставленным высокими стопками книг. Одна из стопок закачалась, и Фурия, проскользнув вперёд, в последний момент удержала её от падения, иначе книги с грохотом обрушились бы на пол.

Второй экземпляр «Виолетты», вероятно, находился в этой стопке и после их появления растворился в воздухе.

Чтобы удержать книги, Фурии понадобилось сделать всего лишь шаг, но она боялась, что даже этот звук оказался предательски громким. Девочка неуверенно поглядела на отца, напряжённо вслушивавшегося в тишину. Он отрицательно покачал головой. Что бы он ни услышал или ни почувствовал прежде, это что-то, кажется, к ним не приближалось.

Никаких церковных атрибутов, крестов или статуй видно не было. Похоже, это место давно изменило своё предназначение. Коллекционер, в собрании которого находилась пустая книга, скорее всего, получил это помещение по наследству и перестроил для своих целей.

Фурия осторожно отпустила стопку книг, подождала несколько секунд, чтобы убедиться, что та не упадёт, и проскользнула вместе с отцом за колонну, чтобы получше рассмотреть весь зал. Книжные башни закрывали друг друга, но даже при тусклом ночном освещении можно было разли-

читать, что их по меньшей мере десять, а то и больше. На узких колоннах, поддерживающих арку с двух сторон, тоже находились полки, и даже под крышей были закреплены специальные настилы, которые вели к площадкам, заполненным книгами.

Книгу, которая предназначалась для возвращения домой, отец положил в карман комбинезона на бедре. Сердечная книга, как всегда, хранилась на поясе. Из нагрудного кармана он взял несколько пуль, по размеру не больше монетки каждая, и сжал их в руке. Если бросить такую пулю, она расколется, высвободив метафорный газ, который за считанные секунды выведет противника из строя. Если человек вдыхает слишком много этого газа, в его воображении возникают самые ужасные образы. Следы этого газа Фурия уже находила во многих книгах. Она прислушивалась изо всех сил, но вокруг царила полная тишина, лишь вдалеке приглушённо гудел кондиционер. Если здесь действительно был кто-то ещё, он вёл себя невероятно тихо, так же, как и они. Девочка бросила взгляд на наручные часы – чуть больше полуночи. Вполне вероятно, что коллекционер до сих пор находился в своей библиотеке. Но отец наверняка тщательно изучил привычки этого человека, прежде чем решил отправить ему копию «Виолетты» и проложить путь в его святая святых.

Верхнее освещение было очень слабым, настольные лампы отсутствовали. И кругом ни живой души, кроме их самих. Но здесь определённо что-то происходило.

Губы отца почти бесшумно прошептали лишь одно слово:
– Эклибри!

Фурия нахмурилась. Эклибри всегда считались слишком шумными, они часто бранились, но не умели приспособиться к миру, в который попали из своих книг. Агенты Академии утверждали, что все эклибри умственно отсталые. Её отец, как и большинство библиомантов, недолюбливал этих созданий.

Они считались существами второго сорта, не желавшими смириться с тем, что являются лишь плодом человеческого воображения, – литературными героями, случайно попавшими в реальность, потому что граница между явью и вымыслом благодаря библиомантике становилась всё тоньше. Никому они не были нужны, да и сами эклибри мечтали лишь об одном: вернуться обратно в свои книги. Но это было невозможно. Поэтому агенты Академии основали специальные лагеря-убежища, где эклибри коротали дни в бедности и депрессии. Большинство из них превратились в бледное отражение самих себя, тень персонажей, которыми они когда-то были. Даже если в реальный мир забредала знаменитая фигура из мировой литературы, здесь она менялась до неузнаваемости. Так, например, несколько лет ходили слухи о безумном капитане Ахаве из «Моби Дика»⁵, который продолжал искать Белого кита, а иногда и крысу-альбиноса

⁵ «Моби Дик, или Белый кит» (англ. *Moby-Dick, or The Whale*, 1851) – роман американского писателя Германа Мелвилла (1819–1891).

в канализации городских трущоб. Или, например, рассказывали о гордом русском дворянине из «Войны и мира», хотя, может, это был герой «Доктора Живаго». Его, грязного и оборванного, как-то сфотографировали возле пункта раздачи бесплатной еды в одном из городов-убежищ. С тех пор эта фотография регулярно появлялась на всех плакатах, иллюстрируя всю убогость экслибри. Таким образом агенты Академии разжигали ненависть к этим созданиям.

Если бы экслибри и вправду находились сейчас в этой библиотеке, вряд ли они смогли бы так бесшумно передвигаться между полками. Даже мятежники, о которых изредка сплетничали то тут, то там, казалось, не в состоянии были действовать с необходимым терпением. Поэтому агентам Академии несложно было устранять беспорядки в трущобах, своевременно распознавать потенциальных мятежников и на корню подавлять восстания.

Пока Фурия оглядывалась по сторонам, её отец, применяя способности опытного библиоманта, сканировал пространство. Наконец он подал ей знак следовать за ним. Молча они подкрались к первой башне из книг и остановились в тени узкого моста.

Для Тиберия пустая книга была маяком. Благодаря многолетнему опыту старый библиомант мог учуять даже слабый её след. Пройдёт ещё много времени, прежде чем Фурия овладеет этим мастерством.

Снова и снова Тиберий смотрел вверх, на изящные опоры

и переходы, которые образовывали второй, третий и четвёртый этажи. Фурии тоже вдруг показалось, что она заметила промелькнувшую тень, но та исчезла в темноте и больше не появилась.

Они уже прошли половину книжного зала, двигаясь от колонны к колонне, и тогда отец снова подал ей знак остановиться. Фурия встревоженно огляделась и даже задрала голову вверх, но никаких следов экслибри или людей не обнаружила. И всё же что-то она почувствовала – какое-то покалывание у висков, будто лёгкие удары тока. Скорее всего, здесь должен быть ночной сторож, если не в самой библиотеке, то снаружи. Подобные коллекции, как правило, не оставляли без охраны, разве что на банковском счёте у её хозяйна было пусто. В таком случае владелец вынужден был доверять библиотеку влюблённому в книги управляющему, добродушному, но не слишком-то башковитому.

Фурия завидовала сейчас невозмутимому спокойствию отца.

– Где-то здесь, – прошептал он, указывая на соседнюю колонну, снизу доверху оплетённую полками с книгами. – На следующем этаже или, может, через один.

Узкая лестница вела к верхушке книжной башни. Метров через пять ступеньки заканчивались кольцевой галереей, над ней располагались ещё два таких же этажа. На каждой из галерей был установлен подвесной мостик.

– Мы здесь не одни, – прошептал отец. – Но они с дру-

гой стороны, возможно, этажом выше. Если мы поспешим, то исчезнем вместе с пустой книгой, прежде чем они успеют нас схватить.

– Эклибри или сторожа?

– Возможно, эту библиотеку сторожат экслибри.

Фурия с тревогой посмотрела на отца:

– Ты сказал, что владелец не библиомант. Как он мог заставить экслибри охранять свою коллекцию?

Тиберий не ответил.

– Держись рядом! – приказал он. – Если тебе придётся прыгать обратно без меня...

– Что?!

– Тсс!

– Но я не могу вернуться без тебя!

– Если всёйдёт хорошо, то этого и не понадобится.

Казалось, он хотел ещё что-то добавить, но вдруг передумал и, изменившись в лице, указал на лестницу и знаками сосчитал до трёх.

По его сигналу они выскользнули из тени защищавшей их колонны и бросились к центру. Отец Фурии побежал вперёд, удивив девочку своей проворностью, какой она не замечала за ним никогда раньше.

Добравшись до колонны, они стали быстро подниматься вверх. На этот раз и Фурия кое-что заметила: на другой стороне сводчатого зала, на расстоянии добрых пятидесяти метров, парили две фигуры, которые неожиданно скрылись за

книжными башнями. Фурия попыталась разглядеть, не появятся ли они в другом месте.

Прежде чем они с отцом снова разглядели тех двоих в сплетении теней и металлических дуг, Тиберий прикоснулся к ней. Он указал на следующую лестницу: им нужно было подняться на этаж выше, пустая книга скрывалась где-то там.

Фурия вдруг услышала отдалённые шаги по металлическим переходам между стеллажами, но различить кого-то в тусклом полумраке было невозможно. Покалывание в висках больше не усиливалось, она даже успела к нему привыкнуть. Может, виной тому близость пустой книги? Девочка напряжённо вспоминала, чувствовала ли она такое покалывание в прошлый раз, когда они нашли предыдущую пустую книгу.

Когда они оказались на втором этаже башни, Тиберий вдруг споткнулся. Круглый переход находился на высоте десяти метров от пола, перила доходили Фурии лишь до талии. Она схватила отца за руку как раз за секунду до того, как он потерял равновесие. Тиберий ответил ей благодарной улыбкой. Они осторожно пробирались по кольцевой металлической дорожке и через несколько шагов достигли наконец своей цели. Тиберий коснулся узкого корешка без каких-либо надписей. Тот, кто не знал, *что* именно искать, никогда бы не нашёл эту книгу.

Тиберий аккуратно вытащил узкий томик среднего разме-

ра и даже не успел раскрыть его, чтобы проверить свою догадку, а Фурия уже знала, что страницы будут совершенно пустыми. Казалось, в руках у Тиберия был всего лишь выцветший блокнот. Но чтобы заинтересовать библиотекарей и коллекционеров, Зибенштерн богато инкрустировал переплёты янтарём, золотом и драгоценными камнями.

Каждая из таких книг была для коллекционера настоящим сокровищем, единственным в своём роде.

Фурия вдруг заметила, что все книги, стоявшие на этой полке, имеют дорогие переплёты, один роскошнее другого. Большинство библиофилов не могли устоять перед красивой книгой, а что там внутри – уже не столь важно. Владелец этой библиотеки собрал десятки таких богато украшенных переплётов. Это усилило опасения Фурии по поводу того, что такое богатство вряд ли могли оставить без охраны.

Пока отец осматривал книгу, она краем глаза заметила движение на последнем этаже, прямо над их головами. Кто-то стоял у перил и наблюдал за ними – размытый силуэт, едва различимый из-за глубоких теней на потолке.

– Папа!

Отец оторвал взгляд от пустой книги и повернулся в ту сторону, куда молча указала Фурия.

Фигура исчезла.

– Там кто-то был, – прошептала девочка, – и он нас видел.

Тиберий, прижав к груди пустую книгу, уже открыл рот, чтобы ответить ей, как вдруг тишину пронзил выстрел.

Кто-то вскрикнул. Ещё кто-то рассмеялся.

Раздался второй выстрел. Фурия услышала, как кто-то то-ропливо шагает по железным переходам. Девочка огляделась по сторонам, но так никого и не заметила, а отец тем временем уже обогнул колонну, крепко зажав в руке пустую книгу.

– Стой, где стоишь! – крикнул он ей и, сделав несколько шагов, остановился.

Но Фурия не собиралась следовать его приказу. Наскочив на него, она резко отпрыгнула в сторону, ударившись о перила, и посмотрела в ту сторону, куда отец указывал глазами.

Прямо на них по железному мосту широкими шагами, больше похожими на прыжки, стремительно бежали двое низкорослых мужчин, один из них прижимал руку к раненому плечу. Между ними оставалось всего несколько метров, когда вдаль появилась ещё одна фигура – вся в белом.

– Остановитесь! – раздался женский голос.

Женщина подняла серебряный пистолет, сверкавший словно меч, и выстрелила в воздух.

Отец резко схватил Фурию и потащил её за колонну.

– Кто они такие? – спросила Фурия, не ожидая ответа, – она была уверена, что перед ними беглецы-экслибри; судя по звуку шагов, они подошли совсем близко.

Раздался ещё один выстрел, и они снова слышали BLEЮЩИЙ смех одного из беглецов.

– От имени Академии... – начала женщина.

Но последующих слов Фурия уже не разобрала. Отец

встал прямо перед ней, закрывая её собой; в правой руке у него были пули метафорного газа, а в левой – пустая книга. Он стоял слишком близко к перилам. «Как же он неосторожен!» – подумала Фурия, но предостеречь его не успела. Эклибри бросились прямо на них.

Глава двенадцатая

Оба незнакомца слишком поздно заметили, что на металлической галерее есть кто-то ещё. Один, натолкнувшись на Тиберия, засмеялся своим натужным козлиным смехом, а второй врезался ещё в кого-то на узких ступеньках и удивлённо вскрикнул. Фурия отпрыгнула назад, но было уже слишком поздно. Все четверо столкнулись, отец ругался и обеспокоенно звал Фурию, а она пыталась выбраться из мельтешащих рук и ног. В то же время она видела, как, вращаясь в воздухе, мимо пролетели газовые пули – и пустая книга выпала из рук отца.

Девочка инстинктивно, просунув руку сквозь стойки перил, схватила книгу за миг до того, как та, шелестя страницами, чуть не полетела в пропасть. Фурия крепко прижала пустую книгу, прикрыв её своим телом, и почувствовала, как парень с блеющим козлиным смехом опёрся на её плечо, пытаясь подняться. Одним ударом Тиберий сбил его с ног, и тот снова рухнул на землю. Его рука коснулась лица Фурии, и девочка заметила, что кисть у него волосатая и что всё его тело покрыто густой шерстью, а в маленьких глазках пылал кроваво-красный огонь. Теперь она больше не сомневалась, что имеет дело с экслибром, да ещё и нечеловекоподобным.

Женщина в белом снова прокричала что-то невнятное.

Она наверняка была уже совсем близко, может быть, на мосту, который соединял книжные башни. В это же время что-то хрустнуло и послышались мужские голоса. Это, скорее всего, подоспели охранники библиотеки. За несколько секунд гробовая тишина библиотеки наполнилась сумасшедшими криками.

Эклибр с раненым плечом, поднимаясь на ноги, так сильно надавил на спину Фурии, что она еле сдержала крик. Однако свободной рукой Фурия ухитрилась схватить его за лодыжку. От неожиданности эклибр что-то выронил из левой руки. Конечно же это была книга, которая ударилась о решётчатый пол. Время на мгновение застыло, и Фурия успела прочитала название: «Атлас горизонтов».

Эклибр немедленно подобрал книгу. Он был очень худощавым, почти костлявым, а кожа его отливала белым и голубым. Выражение его лица, однако, было на редкость жизнерадостным. Казалось, этот эклибр моложе и человечней своего спутника. Но поразительней всего были его волосы – иссиня-чёрная копна спутанных волос, торчавших во все стороны.

– Давай же! – кричал он своему напарнику с огненными глазами.

Тот до сих пор не мог прийти в себя после удара Тиберия и даже не пытался подняться. Если женщина действительно была агентом Академии, им всем следовало исчезнуть отсюда, и как можно быстрее. Но так уж сложилось, что они ока-

зались друг у друга на пути.

В воздухе отрывисто прозвучало ещё несколько выстрелов. Кто-то прокричал несколько слов по-итальянски.

– Фурия! – воскликнул отец. – Оставь их!

Она отпустила штанину незнакомца. Бледнокожий экс-либр прижал к груди «Атлас горизонтов», смерил девочку озадаченным взглядом и, схватив своего напарника за острое ухо, потащил его за собой. Козлоподобный ответил возмущённым криком. Не прошло и секунды, как оба, перепрыгнув через перила, исчезли за колонной.

Фурия услышала, как они поднимаются по лестнице. Возможно, экслибри решили спрятаться на верхнем этаже, где и агенту, и сторожам не так-то легко было добраться до них. Кстати, агент уже давным-давно должна была оказаться рядом с ними. Тиберий Ферфакс через силу распрямылся и хотел помочь Фурии встать, но девочка уже вскочила сама и направилась в ту же сторону, что и экслибри. Отец задержал её:

– погоди!

Сначала она поглядела на него с недоумением, но затем вдруг сообразила: заветная книга у них в руках! В пылу сражения она совершенно об этом забыла. Вместо того чтобы убегать, они могут просто прыгнуть назад.

– Держи!

– Положи её поглубже в карман: мы берём эту книгу с собой.

Она знала, что отец не очень-то охотно шёл на это, потому что боялся, что Академия может выследить книгу и обнаружить их резиденцию. Но в тот момент у них просто не было времени на то, чтобы обезвредить книгу с помощью невидимых чернил прямо на месте. Придётся им позаботиться об этом дома.

Фурия положила плоскую книжечку в карман комбинезона, а отец тем временем вытащил книгу, которая предназначалась для прыжка обратно. Ещё один роман Зибенштерна, но в спешке она не смогла прочитать его название. Идентичная копия наверняка лежала сейчас где-нибудь в кабинете Тиберия.

Раздался ещё один выстрел.

Вспоминая те события, она утверждала, что видела приближавшуюся пулю, которая попала в её отца.

Новая вспышка была ярче предыдущих: она осветила сразу несколько книжных башен.

На этот раз стрелял вовсе не агент. Стрелок находился где-то под ними, у подножия следующей колонны, и он не стал утруждать себя предупреждением. Пуля задела шею отца и врезалась в стену, заполненную книгами, позади Тиберия, подняв при этом облако пыли. Вначале девочке показалось, что это всего лишь лёгкое ранение, о которых она так часто читала в романах и которые никому по-настоящему не вредили. Герои с лёгкими ранениями побеждали целые легионы и перетаскивали с поля боя сундуки, доверху на-

полненные драгоценностями. Лёгкие ранения в книгах считались хорошим знаком, словно медаль, которую заслуживал смельчак, застреливший противника. Никто серьёзно не страдал от последствий лёгкого ранения. Но Тиберий Ферфакс от такого ранения умирал.

Когда отец рухнул на землю, Фурия не знала, что жить ему осталось всего минут десять. Она опустилась рядом с ним на колени и положила на них его голову. Из раны на шее вытекала струйка крови. Она то становилась тоньше, то превращалась в бурный поток. На чёрном комбинезоне сложно было различить следы крови, но шея отца была вся в крови, в крови были лицо и рука, которой он неумело пытался зажать пробитую артерию.

Фурия не могла издать ни звука, хотя ей хотелось заорать во весь голос. Казалось, кто-то схватил её за горло – ей не хватало воздуха, в висках стучало от боли.

– Её зовут... – прохрипел отец. – Изида Пустота. Остерегайся...

Больше он не смог произнести ни слова, из горла вырывался лишь слабый хрип. В его глазах читалось недоумение, а вовсе не боль. Позже Фурия поймёт, что отец знал об этом с самого начала, но не мог поверить в то, что всё закончится именно так. Наконец ей удалось выдавить из себя тихое: «*Папа...*». Это был всего лишь шёпот. Она заметила книгу для прыжка – наверное, она выпала у него из рук. Девочка взяла её, положила отцу на грудь, а его руку – на книгу, но у

Тиберия уже не было сил на то, чтобы её держать.

Книга скользнула вниз и снова очутилась на металлическом полу.

– Изида Пустота-а... – застонал отец. – Она – враг, Фурия... твой враг... Скорей в Либрополис к КириССу... Он может вам помочь... Он у меня в долгу...

Дальнейших его слов Фурия не разобрала, потому что в этот момент из-за колонны появилась женщина в белом, в руке у неё блеснул серебряный пистолет.

– Не вставай! – прошипела она Фурии. – И не шевелись, иначе они подстрелят и тебя тоже!

Снова прокатился звук выстрела. Девочку накрыло волной пыли и клочков бумаги. Незнакомый мужской голос крикнул что-то по-итальянски, и наконец огонь прекратился. Кого-то ударили, и звук удара был слышен даже на самых верхних этажах.

Фурия глядела на агента сквозь пелену слёз – светящийся образ в белом остром капюшоне, будто её скопировали из романа Викторианской эпохи. Верхняя часть её тела была очень узкой, на ней был белоснежный корсаж и облегающие брюки. Шёлковый белый шарф закрывал нижнюю часть лица, скрывая всё, кроме глаз. Они были светло-голубого цвета и мерцали холодным ледяным светом.

По телу Тиберия Ферфакса пробежала дрожь. Фурия отвернулась от агента, потому что ей стало совершенно всё равно, что случится с ней самой, ведь главное – спасти отца.

Тот в последний раз попытался заговорить, зашептал что-то, но слов она не разобрала. Потом его голова, лежавшая у неё на коленях, вдруг свесилась набок.

– Папа?!

Грудь отца поднималась и опускалась рывками, он ещё был жив.

Агент Академии Изида Пустота оттолкнула Фурию и хотела склониться над умирающим. Но Фурия не могла ей этого позволить. Окровавленной рукой она ударила её в плечо. Агент отскочила назад, на белых одеждах осталось красное пятно. Но не успела Фурия нанести второй удар, как женщина схватила девочку за руку.

– Я могу помочь тебе, только позволь мне это сделать!

Фурия посмотрела на отца. Его левый глаз был широко открыт. Взгляд его, казалось, умолял не слушать незнакомку.

Она – враг, Фурия. Твой враг.

Но Изида Пустота отпустила её и, схватив книгу, предназначавшуюся для прыжка обратно, положила её снова на грудь Тиберию и подняла над ней его руку.

– Держи крепко, – сказала она Фурии и на секунду замерла. – Да держи же её, чёрт побери!

Фурия подчинилась приказу, потому что отчаяние сломало её, как вода ломает плотину во время наводнения. Женщина положила пистолет на пол и коснулась правой рукой какого-то предмета под плащом. Фурия краем глаза увидела небольшую книгу, которая торчала из кобуры на поясе.

Сердечная книга агента.

Отец вытянулся, губы его раскрылись. Тогда Фурия поняла, что незнакомка передаёт ему часть своей силы, последнюю оживляющую порцию энергии.

Шаги под ними стали громче. Охранники рвались вверх по лестнице.

– Исчезните отсюда! – закричала агент.

Она – враг. Твой враг.

С помощью новой силы Тиберий смог осуществить прыжок. Его и Фурию какая-то сила вырвала из библиотеки. Последнее, что она видела, была Изида Пустота – белоснежное создание, похожее на ангела. Она подняла свой пистолет и выстрелила.

Глава тринадцатая

Тиберий умер сразу же после их возвращения.

Фурия подбежала к отцу, когда он упал на пол в своём кабинете, присела рядом на корточки и перевернула его на спину.

Губы Тиберия дрогнули. Долгие годы он повторял дочери, что в один прекрасный день ей придётся продолжить охоту за пустыми книгами и смыть позор с запятнанного имени их славного рода. Девочка ждала, что его последние слова тоже будут посвящены этой воле. Но вместо этого отец прошептал:

– Позаботься о брате... Обещай мне... Пип нуждается в тебе...

Фурия кивнула и поискала глазами телефон – он должен был быть где-то здесь, за одной из книжных стопок на столе. Если вызвать «Скорую» прямо сейчас, через полчаса она будет у них в долине. В лучшем случае, через двадцать минут. Но Фурия понимала, что будет уже слишком поздно. Кровь до сих пор струилась из сонной артерии отца.

Она прижала ладонь к его шее, но Тиберий всё равно истекал кровью прямо у неё на руках.

Из его горла вырвался стон, а его здоровый глаз расширился.

– Кто-то...

Она почти не слышала, громко рыдая и чувствуя, как её сердце разрывается от беспомощности.

– Кто-то... – едва слышно снова выдохнул он.

Его взгляд замер, грудь опустилась в последний раз. Жизнь покинула его в один момент. Фурия отстранённо подумала, насколько же непредсказуема смерть. Ещё мгновение назад это был её отец, с его уникальными знаниями и особым мнением, а уже через секунду на ковре осталось лишь его тело. Тиберий Ферфакс заслужил прощание с жизнью под звуки труб и барабанов, но вместо этого в последний путь его провожала тишина.

Книга, которую они использовали для прыжка, уже успела раствориться в воздухе. Глотая слёзы, Фурия вспомнила о пустой книге в кармане своего комбинезона. Отец хотел бы, чтобы она завершила дело как полагается. Перед тем как позвать Паулину и Вэкфорда и разбудить Пипа, она обязана уничтожить пустую книгу.

Машинально, не думая ни о чём, она ощупала свои карманы и вытащила из одного из них небольшую металлическую колбу с закручивающейся крышкой – в ней хранились невидимые чернила рода Антиква. Из набедренного кармана девочка достала молоток и несколько гвоздей.

Усилием воли она заставила себя оторвать взгляд от безжизненного лица Тиберия. Девочка посмотрела на его сердечную книгу, торчавшую из-за пояса. Брать её было бессмысленно: для любого другого библиоманта это будет всего

лишь обычная книга. Даже для неё.

На паркет падали лучи лунного света. Только теперь девочка заметила, что в комнате не горело ни одной лампы. Отец не включал свет перед прыжком, он никогда этого не делал. Как во сне, она встала, качнувшись, бросила взгляд на отца, лежавшего у её ног, и подошла к выключателю рядом с дверью. Фурия нажала на него несколько раз, но в комнате по-прежнему было темно. Может, выбило пробки?

«Кто-то», – сказал он.

Что это значит? Что кто-то ещё находится сейчас в этом кабинете?

Дрожь, похожая на озноб, пробежала по её телу. Она прислушалась, но уловила лишь оглушительный стук собственного, разрывающегося от горя сердца. Противостоять душевной боли было слишком сложно. Девочка чувствовала себя такой уставшей, как никогда в жизни. Смерть отца парализовала её мысли. Как бы ей хотелось сейчас, чтобы кто-то решил всё за неё, чтобы взял её за руку и повёл туда, где можно было бы выплакать всё до последней слезинки.

Фурия поспешно вернулась к отцу, опустилась на колени и открыла карман своего комбинезона. На пустую книгу упал луч лунного света. При таком освещении она казалась ничем не примечательной, одной из многих в этом доме, наполненном всевозможными книгами. Части золотого переплёта с годами облупились, а то, что осталось, совсем поблёкло – не тот предмет, ради которого стоило бы умереть.

Девочка отвинтила крышку колбы и опустила в неё первый гвоздь, так что кончик его коснулся дна. Вытащив его, девочка убедилась, что гвоздь до половины покрыт невидимыми чернилами. Она воткнула его в переплёт пустой книги, взяла молоток и вложила всю свою злость и отчаяние в первый удар. С глухим стуком гвоздь вошёл в книгу. Послышался шелест, будто на бумагу одновременно опустились десятки перьев. Даже не заглядывая внутрь, девочка знала, что в этот момент в книге проявилась часть написанного текста.

Со вторым и третьим гвоздями она сделала то же самое – обмакнула их в чернила и вбила в переплёт книги. Принимаясь за четвёртый, она услышала голоса. В ночной тишине удары молотка, наверное, наделали шуму, даже если бумага немного их приглушила. Возможно, это разбудило Вэкфорда и он встал, чтобы проверить, всё ли в порядке.

Четвёртый гвоздь оказался последним, достаточно было нескольких капель чернил. Поговаривали, что эти чернила сделаны из сажи сгоревшей Александрийской библиотеки, смешанной с пигментом, который использовался для месопотамской клинописи. Наверно, это всего лишь слухи, которые пустили амбициозные члены рода Антиква. Но как бы там ни было, чернила делали своё дело, в этом сомневаться не приходилось. Если бы Фурия в тот момент вытащила гвозди и открыла книгу, внутри она увидела бы исписанные страницы.

Девочка хотела взять эту книгу и вложить в руки отца, но

вдруг поняла, что удары молотка были настолько сильными, что прибили тонкий томик к полу.

Снова раздался шум, теперь он был где-то в глубине дома.

Фурия сомкнула пальцы отца вокруг ручки молотка. Казалось, он спит. Девочка снова почувствовала, как слёзы подступили к самому горлу, но она взяла себя в руки и встала, покачиваясь, словно лунатик.

Перед смертью он дал ей задание. Даже два. Позаботиться о Пипе и попасть в Либрополис к Кириессу – так сказал отец. Фурии было знакомо имя Кириесс, но вживую она этого человека никогда не видела.

«Он вам поможет».

Они действительно нуждались в помощи?

«Кто-то...»

В доме?

Дрожа всем телом, девочка обвела взглядом комнату и снова слышала звуки, необычные для ночной резиденции, – сначала гул, затем шаги по одной из лестниц. Фурия до сих пор не могла заставить себя думать ни о чём, кроме смерти отца. Какую именно помощь он имел в виду? Может, финансовую? Двое несовершеннолетних детей в старом здании с тремя работниками, заплатить которым они не могут. Девочка знала, что отец во время прыжков часто прихватывал с собой какой-нибудь ценный экземпляр из чужой коллекции. Он крал книги, а потом продавал их, чтобы семья могла свести концы с концами. Тиберий никогда не говорил об

этом и презирал себя за подобные поступки. Но Фурия им гордилась. Ведь отец делал всё, что было в его силах, чтобы защитить их убежище.

Опять голоса, на этот раз они были ближе, может быть, даже на этом этаже.

Фурия осторожно открыла дверь и выглянула в коридор. Лампочки здесь тоже не горели, даже настенный светильник в конце коридора, который не выключался ни днём ни ночью.

Девочка хотела было выскользнуть из кабинета, но вдруг кое-что вспомнила. Она поспешно вернулась обратно к письменному столу. Среди груды бумаг и книг она нашла наконец то, что искала, – узкую картонную закладку, на которой стояло лишь одно слово: «Либрополис». Фурия провела по ней пальцем и почувствовала, как по коже забегали мурашки. С виду это был ничем не примечательный кусок картона, но до последнего волокна он был пропитан энергией библиомантики.

Девочка сунула закладку в карман и вдруг обратила внимание на чёрные пятна на своём комбинезоне. От пятен сильно пахло железом.

Кто-то вскрикнул. Снаружи.

Фурия подбежала к окну и увидела на ступеньках перед входом в резиденцию пять фигур. Она различала лишь силуэты, но было понятно, что это, скорее всего, мужчины. Один из них бежал вниз по лестнице.

Фурия прижалась лицом к окну, но ей видны были только нижние ступеньки.

Если мужские голоса, которые она слышала до этого, принадлежали не Вэкфорду и не Сандерленду, то чужаки уже проникли в дом. Вероятно, они зашли через чёрный ход.

Но этих пятерых непрошенных гостей пока удалось остановить.

Лишь сейчас Фурия заметила женщину, которая стояла чуть поодаль. Лунный свет подчёркивал её стройную фигуру. Женщина стояла неподвижно, не сводя глаз с дома. С Фурии, прижавшейся к окну.

В руках у одного из мужчин была огромная кувалда, возможно, он достал её из сарая Вэкфорда. Фурия чувствовала, как женщина сверлит её взглядом, но не могла оторвать глаз от происходящего на лестнице.

Раздался женский голос.

Мужчина с кувалдой поднялся по ступенькам. Затем послышался звук удара, другой, третий.

Голос женщины затих. Кто-то из мужчин рассмеялся. Что-то покатилося вниз по лестнице мимо стоявших там незнакомцев прямо к ногам женщины.

Каменная голова святой Виборады.

Глава четырнадцатая

Пипа разбудил шум: что-то разбилось на куски. Он, как всегда, подумал о клоунах, они преследовали его в кошмарах во сне, поэтому Пип сразу же живо представил их себе.

Может, они ворвались в дом с разноцветными молотками и принялись ломать двери? Молотки у них будто бы из пены и плюша, а на самом деле – из стали. Одетые в развевающиеся шёлковые штаны, огромные ботинки и нелепые перчатки, клоуны с ярко разрисованными лицами ринулись в дом. Их кроваво-красные рты были непропорционально большими, вокруг глаз – слой теней. От них пахло прогорклым попкорном и жжёным миндалём, настолько приторно-сладким, что Пипа тошнило даже от одной мысли об этом. В какой-то книге он прочитал, что у смерти сладковатый запах, и мальчик был убеждён, что это и есть запах клоунов.

Пипу очень хотелось в туалет, но он терпел. Мальчик вскочил и подбежал к комоду. Перед круглым зеркалом был разложен его гримировальный набор. Сандерленд привёз ему из города все необходимые принадлежности. Водитель отлично разбирался в спектаклях и магии, ведь в его багажнике путешествовала вся вселенная и он понимал желание Пипа защититься от клоунов.

Лучше всего обороняться с помощью камуфляжа, как рыби стаи, которые в момент опасности принимают форму те-

ла акулы. Пип знал, что все считали его сумасшедшим, особенно Фурия, но это его не особенно беспокоило. Он любил Фурию, да и отца тоже. Только вот они недооценивали опасность, которая исходила от клоунов, и хитрость, на которую те были способны. Одного взгляда на лицо клоуна было достаточно, чтобы понять правду.

Когда Пипу было пять лет, отец взял его с сестрой в бродячий цирк, который организовал выступление на одном из лугов Уинчкомба. В то время отец ещё пытался поддерживать видимость нормальной семейной жизни.

Конечно, что такое «нормальная» жизнь, Тиберий Ферфакс знал только по книгам, но Пип и Фурия притворялись, будто ничего особенного не происходило, когда отец пользовался своей сердечной книгой для того, чтобы немного приукрасить фокусы иллюзионистов и вызвать безграничное изумление публики.

Только клоуны сразу же раскусили Тиберия: они поняли, кто встал им поперёк дороги. Под смех зрителей они забрали Пипа и заперли его в ящике прямо на манеже. Позже Фурия утверждала, что он был там не более тридцати секунд и что крышка была открыта. Но воспоминания Пипа были совершенно иными: ему показалось что прошло несколько часов. Мальчик чувствовал, что в ящике рядом с ним было множество клоунов и других похищенных ими детей. Некоторые из них сидели взаперти уже несколько лет.

Когда его наконец за волосы (пусть это было лишь пред-

ставление) вытащили из темницы под гул и аплодисменты зрителей, ему пришлось оставить в беде всех остальных мальчиков и девочек, томившихся в заточении. Один из клоунов повёл его обратно к папе и сестре и всё время нашёптывал ему на ухо угрозы: что он разыщет его уже в ближайшее время, что будет его резать и колоть, а потом съест живьём, ведь именно так поступают клоуны. Найти такого маленького мальчика, где бы он ни прятался, проще простого. Ведь у клоунов большие носы, которыми они чуют детей. И уши, которые слышат даже тихий шорох. Клоуны выжидают момент и набрасываются на жертву, как пауки, затягивая бедняжку в свои сети.

Но они не учли, что Пип намного хитрее их. Он превращался в одного из них, когда выходил из своей комнаты, а иногда даже оставаясь в ней.

Поэтому клоуны не узнавали его, хотя было ясно, что они прочёсывают долину днём и ночью. Сейчас ему было десять лет – лёгкая добыча, по мнению клоунов. Но им не схватить его своими толстыми пальцами и не запихнуть в красно-красный рот, по крайней мере не сегодня ночью.

Быстрыми движениями он нанёс на лицо белила и обозначил контуры рта. Чтобы превратиться в клоуна, ему нужно было не больше минуты. Он часто устраивал себе такие тренировки – настоящие солдатские учения. Пип всегда был на чеку, чтобы обмануть толстого, неуклюжего клоуна, заплывшего жиром от обжорства, ведь он проглотил всех мальчи-

ков и девочек, сидевших в ящике.

Пип вытер руки о полосатую пижаму и тихонько открыл дверь в коридор. Там была крошечная тьма.

Он услышал голоса и шум шагов на втором этаже, прямо под ним. Там находился кабинет отца, а значит, там клоуны не стали бы его разыскивать. Наверняка они направлялись вверх по лестнице.

Лестниц в резиденции было несколько. Войдя в дом через главный вход, можно было воспользоваться центральной лестницей, которая вела на все этажи. Поэтому Пип повернул направо. В конце коридора, за потайной дверью, закрытой обоями, рядом с шатким грузовым лифтом, находился старый проход для прислуги, которым давно никто не пользовался. Наверху, на чердаке, были тайники, в которых им его ни за что не найти. В случае необходимости он мог пролезть в люк на крыше, как это частенько проделывала Фурия. Он вздрогнул, представив, как клоуны, освещённые лунным светом, роятся в доме, словно чёрные тараканы.

Теперь Пип отчётливо расслышал шаги – шаги по паркету и каменному полу. Голоса клоунов прорывались сквозь ночную тишину.

Со всей осторожностью, на которую он только был способен, Пип проскользнул в коридор. В темноте мальчику приходилось чётко рассчитывать движения, но это давалось ему легко. Все коридоры и комнаты в резиденции он знал как свои пять пальцев. Ощупав стену, он без труда нашёл скры-

тую за обоями дверь. Пип нажал на ручку, и дверь, тихо щёлкнув, поддалась.

Сердце мальчика бешено колотилось, когда он протиснулся в узкий проход и оказался на крутой лестнице. Он хотел уже закрыть за собой дверь, но вдруг услышал за спиной шум. Из коридора доносились шорохи и шаги. Пип решил оставить дверь приоткрытой, чтобы не производить лишнего шума, и кинулся по ступенькам вверх.

Глава пятнадцатая

Кто-то крался в темноте по коридорам резиденции. Этот кто-то шёл медленно, совсем не заботясь о том, что при каждом шаге у него хрустел сустав или скрипела деревянная нога.

За лампой из комнаты Фурии тащился провод с вилкой и вилял, словно хвост. Кресло, чертыхаясь, протискивалось в двери. Оно еле пролезло, да и то лишь благодаря повышенной эластичности его кожи (во всяком случае, так считало само кресло).

Две минуты назад Фурия ворвалась в комнату, в страшной спешке ринулась к южному окну, достала из тайников «Фантастико» и секретную книгу, потом из ящика письменного стола вытащила чернильницу и фонарик.

«Какая грубая и бесполезная вещь!» – ехидно подумала лампа.

Фурия оставила дверь открытой, чего раньше не случилось никогда.

– Прошу прощения! – попыталась вмешаться лампа, но Фурии уже и след простыл.

– Что-то здесь не так, – сказало кресло, различив незнакомые мужские голоса, раздавшиеся чуть позже где-то в глубине дома.

– Что, в самом деле? – отозвалась лампа, повертев абажу-

ром.

– Сейчас нам лучше помалкивать. – Бас кресла звучал глубже, чем обычно.

– Так что ж ты всё болтаешь без умолку, глупая сидушка?

Они поссорились, а затем решили, что надо разобраться, *что* именно произошло. Фурия очень торопилась, это очевидно. Спешка приводит к неосторожности. Спешка – полная противоположность тому спокойствию, которое олицетворяли они. А Ферфаксы, несомненно, нуждались сейчас в самообладании лампы и кресла, чтобы трезво оценить ситуацию в доме.

– Мы идеально подходим для этого задания, – торжественно объявила лампа, имея в виду, конечно, только себя, но одинокая лампа в коридоре вызвала бы подозрение, а вот лампа и кресло вполне сойдут за уютный уголок для чтения.

Вот почему они продвигались сейчас к лестнице, следуя в том же направлении, что и Фурия. Лампа подпрыгивала на своих трёх подпорках, которые давно уже требовали смазки. А за ней ковыляло кресло на четырёх деревянных ножках.

Со скрипом и грохотом они подошли к ступенькам.

Напротив простирался коридор, уходивший в северное крыло здания, где находился кабинет хозяина. Фурия побежала вверх по лестнице. На следующем этаже была комната маленького Пипа.

– Она хочет защитить мальчика, – сказала лампа.

– Проклятые ступеньки, мне их ни за что не одолеть! –

проворчало кресло.

Лампа хотела что-то возразить, но в тот же момент на лестницу вышли трое мужчин, одетых в старомодные сюртуки и жилетки, с белоснежными платками в нагрудных карманах и золотыми цепочками для часов. Их волосы были идеально уложены, в руках незнакомцы держали трости и фонарики.

Снизу раздались голоса. Похоже, там было ещё несколько непрошенных гостей, которые, по-видимому, прочёсывали первый этаж.

Лампа и кресло замерли. Они остановились у входа в южный коридор (вообще-то это было не самое удачное место для чтения). Но мужчины не обратили на них внимания, они лишь на секунду остановились, чтобы оглядеться по сторонам, и поспешили к северному крылу. Следом за ними по лестнице поднялись ещё трое и, не останавливаясь, направились на третий этаж.

– Они ищут Фурию? – прошептало кресло.

– У неё была фора в несколько минут, – тихо сказала лампа. – Если они её поймали...

– Она где-то впереди.

– Но они её догонят.

– Нет. Если она поспешит.

– Нехорошо это всё, – буркнуло кресло.

– Ясное дело. В дом ворвались грабители, и их по меньшей мере шестеро. Что в этом хорошего?

Вдруг один мужчина выскочил обратно в коридор. Он побежал вниз по лестнице, а затем они услышали крик незнакомца, доносившийся с первого этажа:

– Старик Ферфакс лежит мёртвый в своём кабинете!

Ему ответил женский голос, но слов лампа не разобрала. Тон показался ей очень резким. Через несколько мгновений по ступенькам поднялась изящная женщина в чёрном. Мужчина следовал за ней.

На верхней ступеньке она остановилась, будто что-то заподозрив, и посмотрела на настольную лампу и кресло. Те затаили дыхание. Женщина внимательно оглядела их, а затем указала на южный коридор, начинавшийся прямо здесь.

Мужчина кивнул в сторону северного крыла:

– Это там.

Женщина чуть замешкалась, а затем последовала за ним по коридору. Когда двое незнакомцев исчезли из виду, кресло тихо вздохнуло:

– Они сожгут весь дом вместе с нами.

– До этого пока не дошло.

– Мы будем отлично гореть, точно так же, как ковры, столы, картинные рамы и...

– Замолкни наконец!

– Всё сгорит, я тебе говорю. Тебя вытащат из-под завалов в виде погнутого куска металла, а от меня совсем ничего не останется. Даже маленькой щепочки.

– Хватит ныть, лучше пораскинь мозгами! – прошептала

лампа. – Где могли спрятаться Фурия и мальчишка?

– В парке? – Кресло задрожало всеми своими подушками. Сама идея открытого пространства была ему ненавистна (оно и так постоянно думало о той мебели, которую сносили вниз на улицу и продавали непонятно кому).

– Вряд ли, – ответила лампа. – Оттуда приходят чужаки. – Она немного вытянулась и заглянула в северный коридор.

Женщина всё ещё была в кабинете вместе со своими сопровождающими. Действительно ли хозяин был мёртв? Эта мысль казалась совершенно невероятной.

– Фурия и Пип побегут наверх, – вслух рассуждала лампа. – Ты помнишь чердак? – Это был вовсе не риторический вопрос, потому что память у кресла была далеко не идеальной; они вместе провели там, наверху, много лет в затхлом, душном углу, пока их не обнаружила Фурия и не упростила Вэкфорда спустить в её комнату. – На чердаке есть где спрятаться.

– Что случилось с хозяином? – спросило кресло.

Лампа недолго помолчала.

– Знаешь, что я думаю?

– Ну-ка, просвети меня.

Она нагнула свой металлический конус, размышляя, как у этого неповоротливого бегемота вдруг прорезалось чувство юмора.

– Я думаю, – уверенно сказала она, – что в этом деле по уши замешан водитель. Этот Сандерленд.

– Ты ведь его не знаешь.

– Но Фурия его терпеть не может.

– Хм-м!.. – задумчиво хмыкнуло кресло. – Может быть, он хочет избавиться от хозяина, чтобы самостоятельно распродать всю мебель в этом доме и нас заодно?

– Всё возможно. Фурия не раз говорила, что не доверяет ему. Она даже писала в своей тайной книге, что он ей не нравится.

Лампа видела каждое написанное девочкой слово.

С первого этажа донёлся душераздирающий крик.

– Это что, кухарка? – прошептала лампа.

– Ох-ох-ох...

– Пора сматываться отсюда.

– Куда? – спросило кресло. – И как?

Кряхтя от натуги, лампа повернулась на юг и заглянула в коридор.

– Мы поедem на грузовом лифте.

Глава шестнадцатая

Паулина споткнулась о подол своего купального халата и чуть не упала. Кухарку разбудил шум, она в спешке набросила халат на плечи. Вне себя от возмущения Паулина вышла из своей спальни на первом этаже и направилась к бывшему флигелю прислуги, который находился за кухней. Сейчас на этом этаже жили лишь Вэкфорд и она, их комнаты располагались в разных концах коридора. Сандерленд ютился в каморке у ворот, и кухарка была этому очень рада. Она никогда не скрывала своей неприязни к водителю Ферфаксов. Паулину сложно было назвать робкой женщиной, вот и сейчас она посчитала, что обязана остановить беспорядки в этом доме, что бы в нём ни происходило. В лучшем случае она натолкнётся на Вэкфорда, который шарит ночью по полкам в кладовой, в худшем – на очередную бездомную кошку, которая не может выбраться из здания. Паулине даже в голову не приходило, что в резиденцию могут забраться грабители. Что им делать в этой глухомани?

Кухарка осознала свою ошибку, лишь войдя в кухню: представшая её взору картина, заставила застыть на месте. Возможно, именно поэтому четверо чужаков заметили Паулину не сразу. К тому же их внимание привлекал Вэкфорд, который угрожал им огромным ножом для разделки мяса.

В отличие от злоумышленников он сразу же увидел Пау-

лину. Даже в полутьме она заметила, как лицо его исказилось страдальческой гримасой. Сквозь высокие окна в помещение проникал лунный свет. За приоткрытой дверью чёрного хода виднелась серебристая лужайка. Паулина могла поклясться, что вечером запирала эту дверь на замок.

Четверо незнакомцев стояли полукругом около Вэкфорда. Элегантными сюртуками и стоячими воротничками они напоминали персонажей картин, висевших в гостиной. Портретная галерея якобы членов старинного рода на самом деле была собрана из картин, купленных в разное время на ближайших блошиных рынках. Портреты были лишь частью маскировки, с помощью которой Ферфакс пытался скрыть свою истинную личность.

Паулина прекрасно знала об этом, как и привратник, но предпочла бы, чтобы ей вырвали язык, лишь бы не сказать врагу ни полслова. Она любила эту семью, особенно детей. И она любила Вэкфорда. Какая жестокая ирония судьбы – именно в этот момент она осознала, насколько сильным было её чувство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.